

Артур Олейников

Нумизмат

Роман

Артур Олейников
Нумизмат. Роман

«Издательские решения»

Олейников А.

Нумизмат. Роман / А. Олейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909864-1

Роман фантастических приключений и необыкновенных героев. Перед Вами откроется мир чудесных превращений и явлений...Посвящается Михаилу Булгакову...

ISBN 978-5-44-909864-1

© Олейников А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Явление Ивана Ивановича	6
Глава четвертая. Павел Петрович	28
Глава шестая. Аистов и Бабров	44
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нумизмат Роман

Артур Олейников

© Артур Олейников, 2018

ISBN 978-5-4490-9864-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая. Явление Ивана Ивановича

Однажды в городское общество коллекционеров Ростова на Дону явился один гражданин. Роста явившийся был чрезвычайно невысокого, держался как какой-нибудь маршал и носил серую шляпу и кожаный черный плащ. И стал он кого-то дожидаться, причем с такой уверенной миной на лице, будто ждать ему осталось совсем недолго. И в самом деле, спустя лишь какую-то минуту или две к нему подошел молодой человек, очень известный в среде ростовских коллекционеров. Было у него и отчество и фамилия, но все звали его просто Лёня. Изворотлив он был, как уж на раскаленной сковороде. Одевался шикарно, но, как и случается у шарлатанов, а пронырой и аферистом Лёня был еще тот, денег на веселую беспечную жизнь всегда не хватало, отчего на его ногах красовались баснословно дорогие истоптанные туфли, а шикарный свитер цвета абрикосового варенье был изъеден молью у Лени на спине.

Если у Лени и водились крупные деньги в карманах, они всегда уходили на кутеж, а на что-нибудь полезное никогда ничего и не оставалось. И только память яркими вспышками из прошлого, где шампанское лилось рекой, будоражит сознание и вызывает грустную улыбку у таких людей как наш Лёня. И на момент нашего с ним знакомства уже не одну неделю подряд одна только мелочь звенела у Лени в карманах, отчего, сами понимаете настроение у нашего героя было дрянь, а тут еще этот коротышка!

– Продаете, меняете? – сказал Лёня свою дежурную фразу на все случаи жизни и протянул незнакомцу альбом с монетами.

– Избавляюсь, – улыбаясь, брякнул черт знает кто, и тут же поправился:

– Меняюсь!

– Можно посмотреть? – спросил Лёня, мысленно ругая себя, что связался с неизвестным. А, главное, и не больно он хотел к нему подходить, но все равно взял и подошел. «Магнитом он меня, что ли притянул? Чертовщина какая-то!» – думал Лёня.

Давний приятель Лёни обратился к нему сегодня с просьбой обменять его коллекцию иностранных монет на что-нибудь дореволюционной чеканки. Приятель Лёни наконец-то пришел к тому, что иностранщина как была, так и останется уделом пятнадцатилетних мальчишек и коллекционеров, стесненных в средствах. «Опомнися!» – думал, соглашаясь, Лёня. Пришло в голову приятелю Лёни затеять новую коллекцию и вот теперь Лёня отдувайся. Еще ко всему за бесплатно. Лёня никогда ничего не делал задаром, и на тебе, согласился. Надо сказать, что Лёня своего личного ничего никогда не имел. Он обладал тем самым редким и ценным в среде коллекционеров талантом, за который его все уважали и обращались с просьбами. Талант Лёни заключался в том, что он без особого труда мог сбыть, что угодно и кому угодно, на выгодных условиях для всех заинтересованных сторон, за что имел свой процент от сделки, на что, собственно, и жил. Вы не поверите, но Лёня так виртуозно справлялся с просьбами товарищей, что клевал свои проценты от сделок так ловко и быстро, что голубь не успевал склевать горсточку семечек, посланную ему сердобольным прохожим, как Лёня уже прятал заработанные деньги себе в карман. Так что, сами понимаете, когда Лёне ничего не светило, он был не в духе.

– Так можно посмотреть? – нервно повторил Лёня.

Незнакомец ничего на это не ответил и, озираясь по сторонам, прошептал:

– Вы, случайно, не фашист?

– Нет! – решительно и твердо ответил Лёня.

Вопрос Лёню ошарашил, и он окаменел.

– Я видел гражданина с фашистскими орденами и пожалел, что не взял газа! – решительно сказал незнакомец.

Лёня облегчено выдохнул:

– Вы собираете атрибутику третьего рейха?

– Нет, трофеи я не беру. Моя специализация – владельцы!

– Фотографии? – спросил Лёня.

– У вас что, и фотографии есть? – изумился неизвестный и чуть не подпрыгнул на месте.

– У нас, как в Греции- все есть!

– И даже фамилии с адресами? – продолжал удивленно расспрашивать незнакомец, еще не до конца веря, что такое возможно.

– Если поискать – найдем! – ответил Лёня и скажу вам, что ни на грамм не солгал. Вокруг было столько всего: монет разных и невероятных видимо-невидимо, марки, открытки, книги, пузатые сверкающие самовары, ордена и даже встречались мундиры. А один гражданин так вообще стоял с каменным топором и наконечниками от стрел, или вон тот интеллигентный тонкий господин: и пуговицы у него, и монет целый стол, и каталогов целая стопка. По случайности оказывающийся здесь человек принимал все за какой-нибудь музей под открытым небом. На входе в городское общество коллекционеров Ростова вас встречал богатырь с седым ежиком на голове и дикторским твердым голосом, сродни грому. За скромную плату вы получали от него билет и оказывались в кладовой необыкновенных вещей. А про здешних коллекционеров отдельный особый разговор. Что ни человек, то целый роман. И обо всем расскажет, и, что понравилось, поддержать даст. Да, что ни говорите, городское общество коллекционеров Ростова на Дону было интересней любого музея!

– Чернов Иван Иванович, – представился незнакомец и крепко пожал Лёне руку в знак глубочайшего уважения.

Гордость за то, что в их клубе коллекционеров, как в Греции, есть все, вскружила Лёне голову, и он улыбнулся улыбкой мальчишки, который, заступившись за друга, намылил шею обидчику и крикнул вдогонку: «Знай наших!»

Назвавшийся Иваном Ивановичем взял у Лёни альбом, и, даже не взглянув на монеты, засунул коллекцию подмышку.

– Вам не интересно, что в альбоме? – удивился Лёня.

– Представьте себе, абсолютно неинтересно, – ответил Иван Иванович и сконфузил Лёню, а потом и вовсе ввел в ступор тем, что, прикрываясь ладонью загадочно, но твердо, чтобы не осталось ни грамма сомнений, что это не так сказал:

– Там находится то, что вам знать не положено!

«Сумасшедший что ли?» – подумал Лёня.

– Лучше – на одной ноге с людоедами, – гордо сказал Иван Иванович и, не давая Лёне опомниться, явил на свет из-под плаща ярко алый как кровь кожаный альбом с вышитым золотом гербом дома Романовых.

Заполучив в руки альбом того, кто по его словам, водил дружбу с людоедами, Лёня забыл обо всем на свете. Коллекция захватила его целиком и вскружила голову.

Карие глаза черного брокера вспыхивали, словно небо в грозу. На лице от волнения с каждой перевернутой страницей происходили удивительные метаморфозы, меняя физиономию Лёни до неузнаваемости. Словно кто-то не видимый то и дело штамповал на ней, как на листке бумаги, печати радостного сомнения, чрезмерного восторга и самого настоящего счастья.

На каждой странице альбома посередине имелся всего один кармашек для монеты, куда был вложен серебряный рубль.

Состояние и редкость монет были таковы, что самого Краузе хватил бы от изумления удар, не говоря уже об обыкновенном нумизмате, который, наверно, согласился бы заложить собственную душу только за то, чтобы несколько минут обладать заветными раритетами.

Рублей в альбоме было ровно 13, и на каждом имелся портрет императора или императрицы в зависимости от года чеканки монеты. Располагались рубли в альбоме в строгой последовательности. Первым шел рубль с портретом Петра I, затем императрицы Екатерины I, после чего рубль Петра II, затем императрицы Анны Иоанновны и так далее по порядку, за исключением рубля Ивана Антоновича, который почему-то отсутствовал. На последнем тринадцатом листе альбома располагался рубль 1896 года с фантастической надчеканкой на портрете Николая II.

– Ну что – по рукам? – сказал Иван Иванович и, не дожидаясь ответа, пожал Лёне руку.

– Вы хотите поменяться? – изумился Лёня и потерял дар речи. Коллекция приятеля Лени по сравнению с сокровищем Ивана Ивановича имела такой же вес, как шапка из облезлой кошки по отношению к Короне Российской Империи.

Творилось немыслимое!

– Ведь это коллекция Рублева? – спросил Иван Иванович и крепче сжал подмышкой альбом приятеля Лёни.

– Да, – удивленно и незамедлительно выдал Лёня, машинально оборачиваясь в сторону приятеля, который, как выяснилось позже, дожидался его совсем недалеко, но ничего не видел и с полной уверенностью можно было сказать, что ни о каком таком Иване Ивановиче еще пока ничего не знал.

Когда же Лёня повернулся к Ивану Ивановичу, того словно ветром сдуло. Лёня проглотил слюну и снова посмотрел на приятеля. Это был непростой коллекционер. Он носил очки в серебряной оправе, отличался исключительной порядочностью, был честен со всеми и, как бывает с порядочными людьми, страдал от доверчивости. Нет, Рублев был не таким, как Лёня Клюев! Что именно тогда ударило Лёни в голову или черт его попутал – теперь уже никогда не узнать, но не соблазنىсь он тогда, и наша история имела все шансы закончиться, даже толком не начавшись.

И вот как можно скорее, судорожно, трясущимися руками, как не принявший лекарство больной, одолеваемый «зеленым змием», или, скорее всего, как вор, который уже слышит шаги хозяев и в горячке начинает хватать все подряд, Лёня стал вынимать из альбома монету за монетой, поспешно пряча необыкновенные вещи себе в карман.

Погоня за богатством продолжалась, пока в альбоме не остался один единственный рубль с портретом Николая II.

Отдышавшись, Лёня, с довольным видом захлопнув альбом, отправился поздравлять приятеля с выгодным приобретением.

Рублев крепко жал Лёне руку, думая про себя, что если он для него сделал такое дело, то, наверное, Лёня считает его не просто приятелем, а самым настоящим другом. А Лёня в душе смеялся над сердечным простофилей и вычислял баснословные барыши.

Прощаясь, Лёня поинтересовался, знает Рублев или нет странного гражданина, разгуливающего в серой шляпе и черном плаще. Получив отрицательный ответ, Лёня не стал забивать себе голову, а потом и вовсе забыл о Чернове Иване Ивановиче, как будто его и не было вовсе. Наверное потому, что его мысли были заняты лишь реализацией тех богатств, что так легко попали ему в руки.

Избавившись от приятеля, Лёня с азартом и темпераментом присущему продавцу кавказской национальности, продающего фрукты на рынке, распродал одиннадцать рублей и с разбухшими от денег карманами, пребывая на седьмом небе от счастья, отправился домой.

Рубль Павла I 1796 года он никому не продал. Лёня вообще его никому не показывал, опасаясь, что вокруг монеты поднимется невероятная шумиха, потому что рубль был необыкновенно редкий и цены огромной.

Глава вторая. Вершители справедливости.

Покинув никем не замеченным городское общество коллекционеров, сумасшедший коротышка вприпрыжку выскочил из парка Горького и замер на обочине дороги.

– Такси! – выкрикнул назвавшийся Лёне Иваном Ивановичем и, как это делают многие, махнул рукой.

Коренастый мужчина за рулем ярко-желтого автомобиля незамедлительно откликнулся на просьбу, и остановил машину в шаге от потенциального клиента и стал мерить взглядом черный плащ с серой шляпой.

– Здравствуйте, Чернов Иван Иванович! – представился наш знакомый и слегка, почти невидимо, приподнял шляпу в знак приветствия.

«Чучело огородное!» – подумал водитель.

– Как в Волшебнике Изумрудного города? – спросил Иван Иванович.

– Чего? – недоуменно проронил водитель и округлил глаза.

– Как Страшила?

– Не морочьте голову, куда ехать? – раздраженно сказал водитель и пожалел, что остановился.

Иван Иванович ничего не ответил и достал из-под плаща книгу средних размеров.

– Как этот благороднейший и умнейший гражданин? – спросил он, показывая на необыкновенного героя, который улыбался и носил шляпу.

– Этот, этот, – нервно ответил водитель и сердито подумал: «Сдеру в три дорого, чтобы мозги не компостировал!»

Иван Иванович спрятал книгу и сел на переднее сиденье.

– В казино «Оазис», пожалуйста.

– Пятьсот! – сказал водитель, как отрезал, увеличив цену в два, а то и в три раза.

– Почему так дорого? – удивился Иван Иванович и поправил шляпу так, как будто под ней что-то было, и это что-то упиралось в головной убор.

– Неужели в казино и без денег? – удивился водитель.

Иван Иванович надвинул на глаза шляпу, вжал в себя плечи и огляделся по сторонам, как человек, который опасается, что его могут подслушать. Он удостоверился, что все в полном порядке и, прикрывая рот ладонью, прошептал:

– С какими деньгами, вам знать не положено!

– Опять двадцать пять! – рассердился водитель. – Я спрашиваю, деньги есть?

– Есть! – решительно сказал Иван Иванович.

– Тогда в чем дело?

– Справедливость! – ответил Иван Иванович и принял очень серьезный вид.

– Это не про нас! – бросил водитель.

– Кошмар! – воскликнул Иван Иванович и, подпрыгнув как на пружине, конечно, не то чтобы ударился головой, но все равно было очень заметно. После чего очень странно взглянув на водителя, решительно спросил:

– Стало быть, вы считаете, что черти не чисты на руку и сравниваете себя и своего брата-таксиста с ними?

– В самую точку! – ответил водитель, с интересом разглядывая странного пассажира, несколько не придав значения, что ни про каких чертей он не говорил, а, только так, невзначай подумал.

– И подтвердить можете? – лукаво спросил Иван Иванович.

– Тысяча или проваливай! – усмехнулся водитель.

«Вот паразит!» – сказал про себя Иван Иванович и вежливо уточнил: – Долларами или рублями?

– За тысячу долларов я тебя на руках донесу!

– А на себе довезете?

– Не вопрос, только за десять! – рассмеялся водитель в лицо Ивану Ивановичу.

– Вы читали произведение Николая Васильевича «Ночь пред рождеством»? – спросил Иван Иванович, вытирая ладонью с лица капельки слюны, сорвавшиеся с губ водителя.

– Издеваешься! – воскликнул водитель и закипел от злости.

– Что вы, просто хочу восстановить справедливость, чтобы разрешить досадное недоразумение.

– Проваливай, надоел! – сказал водитель и уже собрался выдворить шутника на свежий воздух, как в ту же секунду застыл.

Иван Иванович с просьбой в глазах посмотрел на водителя.

– Не вопрос, только за десять! – повторил водитель цену, за которую он готов был оказать незнакомцу любопытную услугу.

– По рукам! – радостно сказал Иван Иванович и пожал водителю руку, которая как ветвь дерева на безветрии неподвижно весела в воздухе.

Водитель очнулся и затуманенным взглядом стал рассматривать Ивана Ивановича. Потом попытался заговорить, но вместо слов у него только получалось лошадиное ржание и абсолютно ничего похожего на человеческую речь.

Иван Иванович вместе с водителем вышел из машины. Водитель встал на четвереньки и громко заржал на всю улицу, как норовистый конь, отведавший кнута. Прохожие, находившиеся поблизости, как ошпаренные отскочили от одуревшего таксиста, и Иван Иванович лихо, как донской казак, запрыгнул верхом на своего скакуна.

В полуметре от удалого наездника вскрикнула симпатичная дамочка и повалилась в обморок. Иван Иванович пришпорил водителя, тот встал на дыбы и пустился во весь опор.

Из-под ног в прошлом водителя такси, а теперь – черт знает кого, летела осенняя грязь, золотые и бронзовые листья. Резвое ржание заглушало крики и вопли прохожих.

Иван Иванович потянул на себя серый свитер водителя, оторвал своего скакуна вместе с собой от тротуара и тот, перебирая ногами и руками в воздухе, стал, как по лестнице, забираться на небо.

На шум, на улицах одним разом распахнулась сотни окон. Раздавалась милицейская сирена. Верующие крестились, атеисты тыкали пальцем в небо, паразиты, сломя голову, бежали с улиц, а маленькие дети весело смеялись и махали ручонками. Малышам жуть как понравился дядя на пони.

Иван Иванович махал шляпой городу, который стремительно пролетал у него под ногами, и улыбался прохожим, казавшимися с высоты птичьего полета смешными человечками. Рожки, как у молодого козлика, купались в солнечном свете, а распахнувшийся черный плащ развеялся на осеннем ветру, и с земли казалось, что в небесах парил дельтаплан, или как будто черная птица несла в цепких лапах добычу.

Справедливость восторжествовала, недоразумение было разрешено, и Иван Иванович ступил на твердую землю неподалеку от заправочной станции прямо напротив авто-рынка, сверкающего от новеньких автомобилей. Иван Иванович надел шляпу и достал из-под плаща толстую пачку долларов.

– Как и обещал! – сказал он и, положил деньги у ног своего верного скакуна, у которого от прогулки по небу стояли волосы дыбом. Водитель весело заржал, вцепился в деньги зубами и попытался их разжевать как пучок душистой зелени. Но невиданное дело. Деньги не пришились таксисту по вкусу и он, оставив их на тротуаре, ускакал черт знает куда.

Казино встретило Ивана Ивановича гробовой тишиной. И истинные игроки и просто посетители, те, что от нечего делать или просто из любопытства разгуливают по игорным заведениям с самой дешевой фишкой в руке и целыми часами не решаются на что-нибудь поставить, томились в каком-то тревожном ожидании как люди на судебном заседании за мгновение

до вынесения приговора. Когда вроде и понятно, что ждать и в тоже время финал доподлинно неизвестен.

Вот уже несколько часов подряд все в казино не сводили глаз с высокого и тонкого господина одетого во фрак. Он играл в рулетку. Его окружало одиннадцать низкорослых слуг в черных плащах и серых шляпах. Они как две капли воды были похожи друг на друга и на небезызвестного Ивана Ивановича. Они никого не подпускали к своему господину, даже коньяк у официанта брали с подноса и подавали лично, и, вообще, всячески старались ему услужить.

Сказать, что их господину везло в рулетку, значит, ничего не сказать. Он сто раз подряд ставил на zero и ни разу не проиграл. Все присутствующие, уже давно бросили играть, не расходились после проведенной бессонной ночи, а обступив стол, где творилось невиданное, с замиранием сердца следили за шариком, скачущим по игровому полю рулетки.

– Иван Иванович, ну наконец-то, – радостно сказал господин так словно всю ночь только и ждал возвращения Ивана Ивановича. – И провалиться мне на этом месте если вы с пустыми руками.

Иван Иванович улыбнулся и весело шмыгнул своим смешным курносый носом.

– Я достал его мой господин, он теперь будет наш! – гордо ответил Иван Иванович.

– Я знал что на этот раз вы не подведете. Хотя признаться сомневался. Смотрите же, смотрите, – выкрикнул господин указывая на рулетку. И шарик, прежде несущийся как угорелый, нашел свое последнее пристанище в секторе zero. Вздохи изумления и возгласы окружающих пробудили казино, как будто от гипноза, в который оно было погружено на то время, когда неизвестность нависала над ним, и до конца не верилось, что в сто первый раз подряд сыграет сектор zero.

Господин улыбнулся:

– И мне сегодня везет. В принципе как всегда. Ну оставим эту чертову игру, что несомненная правда. Показывайте ваше сокровище.

– Как вы велели, мой господин, – с благоговением в голосе сказал Иван Иванович и передал своему господину альбом, принадлежащий прежде Рублеву.

Господин взял альбом, взвесил его в руке и тяжело вздохнул в знак того, что ничего особенного альбом в себе не хранит.

Иван Иванович вздрогнул.

– Да, Ивана Иванович, выходит что мои опасения были ни напрасны! – опечалился господин. Вы так и не смогли себе изменить, и вновь откололи неслыханное. – И мне думается мой друг, что это не последний сюрприз на сегодня.

– Но мой господин, по всем расчетам самая необыкновенная монета на свете должна быть здесь, – возразил Иван Иванович, взял альбом и принялся листать прозрачные полиэтиленовые листы с монетами и уже спустя миг побледнел.

Не дожидаясь, пока слуга покончит со своим напрасным занятием, господин отправился на выход.

– Ну, как же так! – растерянно забормотал Иван Иванович, путившись листать альбом по второму кругу. Он никак не мог найти желанную монету, и было видно, что это обстоятельство сводит его с ума.

– Надо идти, Иван Иванович, – сказали хором одиннадцать слуг господина.

Иван Иванович ничего не ответил и продолжил судорожно искать.

– Идем те же!

– Неужели все сначала? – с отчаяньем в голосе обратился Иван Иванович к своим одиннадцати близнецам, окружившим его со всех сторон.

– Разберемся, Иван Иванович! – хором пообещали одиннадцать близнецов и вместе с Иваном Ивановичем поспешили за своим господином.

– Миллион! – нервно шепнул кто-то на ухо управляющему казино.

– Вызывай охрану, мы так просто их не выпустим, – злобно сказал управляющий – тучный мужчина среднего возраста, и кто-то удалился выполнять его приказ.

В окружении нескольких крепких молодых людей управляющий перегородил дорогу господину и его слугам.

– Поздравляю! От чистого сердца рад за вас, – с фальшивой радостью на лице заговорил управляющий.– Невероятный выигрыш. И добавил, подло улыбаясь. – Только вот досадная загвоздка: сумма выигрыша так высока, что просим вас подождать.

– Мое время бесценно! Некоторые расплачиваются за него собственной жизнью – ответил господин.

– И все-таки просим вас подождать, у нас имеется все, чтобы приятно скоротать ваше драгоценное время. Прекрасные напитки на любой вкус, а если желаете – женское окружение и это можно устроить на втором этаже – шепнул управляющий, хихикнув.

– Вы, как я понял, уважаемый представитель заведения, в котором удача благоволит тем, кто заключает сделку с чертом? – спросил господин.

– Да, вы правильно поняли, – усмехнулся управляющий.

– Тогда, Иван Иванович, будьте так любезны.

– Да, мой господин, – сказал Иван Иванович и снял шляпу, обнажив маленькие рожки как у молодого козлика.

– У, как страшно! – с иронией прогудел управляющий, заимев в глазах высокомерие.– Стало быть, если эти карлики в маскарадных костюмах величают вас своим господином, вы есть никто иной, как сам сатана?! – ехидным шепотом проговорил последние слова управляющий и рассмеялся в лицо господину.

Господин улыбнулся:

– А если я правильно понимаю, вы, как представитель руководства, должны вершить справедливость?

– Правильно понимаете, – хихикнул управляющий.

– Тогда ответьте мне, что заслуживает тот, кто не выполняет на него возложенное обязательство вершить справедливость и чинит бесчинство?

– Гореть в аду! – усмехаясь, сказал управляющий и захохотал, взявшись обеими руками за живот.

Господин снова улыбнулся, и словно, чиркнув волшебной невидимой спичкой, разжег страшный огонь в глазах.

Яркие языки зеленого пламени, видимые только господину и его двенадцати слугам, вырвались из малахитовых глаз, словно из пылающей топки, и обрушились на управляющего. Он взвыл от жгучей боли, и с истошным воплем повалился на пол. За считаны секунды дорогой костюм управляющего превратился в пепел, а его прежде розовая, как у поросенка, холеная кожа стала чернеть на глазах, покрываясь ожогами, от которых исходил тошнотворный запах.

Охрана, позабыв о господине и его слугах, бросилась к управляющему. Кто-то из охранников попытался взять его за руку, чтобы удержать, но вместо этого сорвал с руки управляющего большой кусок дымящийся кожи.

– Что это?! – кричал не своим голосом охранник, махая рукой, пытаясь смахнуть с ладони кожу своего начальника, словно прилипший лист бумаги, и Иван Иванович ему отвечал:

– Справедливость.

– Что прикажите делать с выигрышем, господин? – хором спросили одиннадцать близнецов.

– Да, на что он еще годится, если его тут же не проиграть?! Раздайте благодарной публике и ладно- ответил господин и быстро удалился не позволяя себя более задерживать по пустякам.

Глава третья. Николай Александрович.

Пробуждающий город от сна! Что есть невероятнее и завораживающее в облике любого города? Пожар света, полыхающий после заката, не идет в никакое сравнение с этим зрелищем. О суматошном дневном городе, когда стоит полуденный гул, когда не понять что есть что, когда клаксоны машин и повсюду шаги и люди и еще раз люди... и говорить ничего. Ранним утром же, только стоит прислушаться, посмотреть по сторонам, как тут же нечего не будет стоять проникнуться городской романтикой и заболеть городскими улицами.

Ранним утром Ростов был по-настоящему свеж. Улицы без рек прохожих и моря автомобилей казались невероятно просторными и светлыми. Здания представляли еще выше, еще объемней. Пока никем не занятое пространство захватывало дух и скрывало изъяны города. Величественней времени в городе было не отыскать!

Новый владелец необыкновенного альбома с гербом дома Романовых и единственным уцелевшим в нем рублем торопился домой, месторасположение которого не так уж и важно.

На тот момент Рублев пока еще не успел обзавестись семьей и жил как многие молодые люди в России с родителями, которых к его глубокому удивлению не оказалась дома и это притом, что прежде, когда Рублев собирался в клуб, они спали в своей комнате. И если бы они просто вышли прогуляться, дело одно, картина же представшая перед Рублевым была куда более странной. В квартире отсутствовали буквально все личные вещи родителей вплоть до чайных кружек с именами, которые сегодня очень модно иметь в каждой семье.

Спальня родителей была практически пустой. Куда делась вся мебель и все остальное, Рублев просто не мог понять. Первое, что пришло ему на ум, это мысль о краже, и что родители в отделении милиции дают показания. Ну, позвольте, какая к черту кража?! Кому придет в голову красть кровать со спящими на ней хозяевами? А кому понадобился шкаф? Ладно, мамина ондатровая шуба. Шкаф то зачем!? Одним словом, бред! Нет, тут что-то другое. Кража- невидаль какая! Нет, нет, тут что-то более невероятней. И подтверждением этому явилось письмо. Собственно даже не письмо, записка, клочок бумаге:

«Уехали за город. К обеду не жди».

Рублев прочитал записку и, пребывая в полном замешательстве, не зная, что теперь и ждать, отправился осматривать квартиру, сердцем чувствуя, что исчезновением родителей дело не окончится.

Он открыл дверь в свою комнату, и ему сделалась в тысячу раз тяжелее и, что еще скверней, в миллионы раз непонятней. Так стало нехорошо, что он пошатнулся, взявшись за душку очков. Рублев растерянно смотрел на человека, который неизвестным образом оказался у него в комнате и не мог ничего придумать вразумительного. Явившийся гость стоял возле письменного стола, заложив руки за спину, и с печалью в глазах смотрел на пасмурное небо, которое через запыленное стекло, казалось еще унылее, еще грязнее, чем было на самом деле.

Дело в том, что на протяжении многих лет Николай Александрович никак не мог получить ответ на мучительный вопрос, который ранил его в самое сердце. И ни его густая борода и ничто на свете не смогли бы скрыть душевную боль на его лице. Тучи как будто вздрогнули и выдохнули то, что копили в себе долгие дни, и тяжеленные дождевые капли, вдребезги разбиваясь об стекло, смывая черную пыль, рождали барабанный бой, который был сродни сердцебиению человека, приговоренного к смерти, когда уже приговор приведен в исполнение, и сердце совершает последние удары, захлебывается кровью и затихает.

Рублев вздрогнул. Никакого дождя не было, ему показалось, солнечный зайчик играл на столе, залетев в комнату через окно.

«Что за чертовщина?» – подумал он.

– Самая обыкновенная! – сказал Николай Александрович, и Рублева как будто парализовало. Его сердце замерло в груди и после чего, как будто куда-то провалившись, забилося, как жаворонок в клетке. Жуткий страх вместо крови побежал у Рублева по венам, и на лбу проступили сверкающие капельки ледяного пота.

Рублев что было сил зажмурил глаза. Так сильно, что у него закружилась голова и проступили слезы.

– Не поможет, зря стараетесь! – сказал Николай Александрович.

«Будь что будет» – подумал Рублев и открыл глаза.

– У вас чудный вид из окна, – сказал Николай Александрович и с грустью в голосе добавил:

– Только одно скверно, во дворе не играют дети!

Рублев машинально окинул взглядом детскую площадку.

«Действительно, ни одного ребенка» – подумал он.

– Вы любите детей? – спросил Николай Александрович, продолжая смотреть в окно с какой-то необыкновенной печалью в глазах, и не дожидаясь ответа, сказал:

– Я очень люблю детей!

Он сказал это так, словно в этом была его вина.

Рублев ничего не ответил и, осознав, что ему не угрожает опасность, стал пристально рассматривать человека.

Это был нестарый, но и немолодой мужчина в серой шинели и начищенных до блеска черных хромовых сапогах с бородой, ровным лбом и русыми волосами, аккуратно уложенными на некрупной голове.

Заложив руки за спину и застыв, словно античное изваяние, с глазами полными болезненной печали, мужчина смотрел, как тогда казалось Рублеву, на дождливое грязное небо, которое застыло, окутанное тучами. Какой-то мучительный вопрос, словно почтовый голубь, метался в глазах мужчины, как в клетке. Невидимым движением глаз он распаивал клетку, и птица неслась куда-то высь, чтобы вернуться с таким желанным и спасительным для своего хозяина ответом, даровать ему на миг надежду, во время которой болезненная печаль в глазах отступила бы и ей на смену пришел яркий золотой рассвет. Но голубь не возвращался, а вдребезги разбивался об тучи и, вместо ответа на волнующий вопрос, приносил еще более болезненную печаль, которая сливалась воедино с отчаяньем, вонзалась в сердце, словно пуля, от которой сердце замирало, захлебываясь от боли, и на смену яркому золотому рассвету приходил багровый кровавый закат.

Рублев изо всех сил старался себя переубедить, что человек, который каким-то необыкновенным способом оказался в его комнате, кто угодно, но только не последний российский император. Не сумев побороть в себе этого чувства, он собрался с духом и громко обратился к человеку:

– Николай Александрович?!

– Я вас слушаю, Егор Игоревич, – ответил Николай Александрович и наградил Рублева той самой растерянностью, от которой человек впадает в жуткое отчаянье, перестает чувствовать почву под ногами и летит над пропастью, которой нет ни края, ни дна.

Рублев стоял в шагах от Николая Александровича и не знал, что делать. Произошедшее повергло его в шок, из которого он никак не мог выйти.

– Я бы с вашего позволения выпил кофе, – вежливо попросил Николай Александрович, указывая на кружку с кофе, стоявшую на письменном столе. Это кофе уже час с лишним назад Рублев пил перед уходом из дома. Несмотря на это, из кружки шел пар, как будто кофе было заварено только что.

– Вот, пожалуйста, – сказал Рублев и подал свою кружку. Николай Александрович почему-то закрыл глаза.

Рублев сначала смутился, а потом и вовсе захотел провалиться под землю, потому что абсолютно не представлял, что в таком случае нужно делать по правилам этикета.

Николай Александрович открыл глаза и улыбнулся. Рублев сразу почувствовал себя лучше, заодно отметив, что у его гостя светлая улыбка, но только очень грустная.

И Рублев понял, что поторопился с выводами и был доволен, что все разъяснилось прежде, чем он успел своими оправданиями поставить себя в еще более нелепое положение.

Николай Александрович спрятал улыбку и без неприязни взял из руки Рублева кружку, уже окончательно убедив учителя истории, что его нисколько не коробит допивать за ним кофе.

Император обхватил кружку крепко ладонями, словно хотел согреть руки после прогулки на холодном ветру, и стал мелкими глотками пить ароматный напиток.

Очередная пауза в разговоре подействовала на Рублева угнетающе. В голове закружились вопросы. Волнение с новой силой охватило его, и он почувствовал уже знакомое чувство растерянности. А тут еще случилась, не сколько не предвиденная сколько заурядная вещь. Как тогда почему-то показалось Рублеву, очень даже спасительная вещь. За дверью на лестничной площадке раздались шаги, и в дверь настойчиво постучали.

Рублев никого не ждал, но охотно поспешил открыть, только бы избавиться от мыслей о неожиданном госте.

Рублев открыл входную дверь и оторопел. На лестничной площадке творилось черт знает что. Только представьте себе, что на вас смотрят двенадцать курносых близнецов в шляпах и черных кожаных плащах. А один, так вообще, очень недовольно смотрит, как будто вы ему что-то должны. И этот кто-то наш с вами знакомый, который на одной ноге с людоедами и еще черт знает с кем!

И как-то сразу было понятно, что он у них если не главный, то самый не простой. Дело в том, что на всех незнакомцах, за исключением назвавшегося Лёне Иваном Ивановичем, были серые простые шляпы, а на нем была прямо какая-то необыкновенная шикарная золотая фетровая шляпа с широкими полями. Почему теперь на нем была другая шляпа, когда прежде при первом знакомстве он представал перед нами не в ней, неизвестно. Может, поменялись обстоятельства? Да это по большому счету и неважно. Потому что шляпа сидела на нем, как самая настоящая корона, и настолько ему шла, что теперь даже представить себе не возможно, как бы Иван Иванович выглядел без своего необыкновенного головного убора. И еще, конечно, черные выразительные глаза. В них была такая решимость, и горело такое бесстрашие, с помощью которых можно было сворачивать горы. Ко всему прочему он имел черный плащ с пуговицами из янтаря вместо пластмассовых кругляшек, которые были у остальных.

Из-под верхней одежды, которой был не страшен ни дождь, ни ветер, выглядывали очень мягкие и теплые на вид черные брюки из натуральной козьей шерсти. А на ногах у него были блестящие туфли на высоком каблуке.

Иван Иванович, если вы помните, был маленького росточка. На глаз- метр пятьдесят, но при этом выглядел очень сильным и крепким. У него было гладкое и свежее, как у юноши лицо, густые черные брови срастались на переносице и образовывали что-то вроде наконечника стрелы. И очень трудно было судить, сколько ему лет – ни то двадцать, ни то тридцать. Но самое любопытное, это нос. Он у него был настолько курносый, что напоминал пяточок поросенка и казался по-доброму смешным.

Рублев не то, чтобы не знал, что думать, а даже и не пытался угадать, посчитав всех до одного близнецов вымыслом, иллюзией, если хотите миражем. Да всем чем угодно, но только не правдой.

Учитель истории снял очки и, совершая глубокий вдох, сделал массаж переносицы. Он так всегда делал, когда считал, что над ним подшучивает зрение, но сегодня, выручавшая прежде процедура, не помогла. Курносые близнецы остались на своих местах, а Иван Иванович так вообще сжал кулаки и продолжал смотреть на Рублева, как на должника, который бессо-

вестно обвел его вокруг пальца. Рублев снова повторил спасительную в прошлом процедуру, и тут уже снова произошло черт знает что. И это окончательно лишило Рублев возможности понять, что, собственно, происходит, и что ему кажется, а что действительно имеет место быть в реальности. Курносые близнецы, как по команде, испарились бесследно, а на их месте, черт знает, откуда нарисовался неизвестный господин, на вид не старше сорока лет. Он был высокий и тонкий, в черном костюме из чистейшего льна. У него были невероятные зеленые глаза такие, какие не встречаются у обыкновенных граждан. Более того. Когда он явился перед Рублевым, они горели как у кота, когда тот прогуливается при полной луне. Лунный свет разжигает в кошачьих глазах огонь, вселяющий в сердце страх и обращающий в бегство даже самого лихого смельчака.

Рублеву в голову сразу же полезли какие-то нехорошие мысли, а от дальнейшего рассмотрения незнакомца, в частности его лица в сердце закрался холод, и Рублев почувствовал себя как-то неуютно и даже, зябко. Лицо, черт знает кого, украшали черные, как смоль, ровные брови и алые, как кровь, тонкие губы, и было оно такое белое, и казалось таким твердым и холодным что можно было подумать, что и сам незнакомец не из плоти и крови, а из самого настоящего мрамора или льда.

Манера же держаться у черт знает кого была, скажем, как у литератора девятнадцатого века. По крайней мере так казалось.

– Вы, как я понимаю, тот самый Егор Игоревич? – сказал господин приятным бархатным голосом и с любопытством принялся рассматривать Рублева, как будто с чем-то сверяясь в уме. Так, если бы ему были доподлинно известны его приметы.

– Да! – ответил в замешательстве Рублев, смущенный формулировкой: тот самый.

– Рад встрече, – улыбнулся незнакомец. – Я вас таким и представлял!

Рублев растерялся и ничего на такие слова не ответил.

– Свершилось, как я хочу верить, досадное недоразумение, вы получили то, что желали, а я нет.

Рублев еще больше запутался.

– Ну, как же так, уважаемый! – недоуменно сказал господин, разводя руки. – Состоялся обмен и, следовательно, я имею все законные основания с вас за него спросить.

– Извините меня, но не могли бы вы выразиться ясней? – сказал Рублев, так и не разобравшись в чем собственно дело.

– Иван Иванович! – позвал господин и в ту же самую секунду за его спиной показался наш знакомый в необыкновенной золотой фетровой шляпе.

Рублев округлил глаза и даже сделал шаг в сторону, чтобы посмотреть за спину незнакомцу и убедиться, нет ли там еще одного Ивана Ивановича.

– Нет там больше никого! – сердито сказал Иван Иванович и грозно бросил, как будто Рублев причинил ему страшную обиду:

– Понадобятся, позовут.

Ответ курносого незнакомца насторожил Рублева, если не испугал, и он все так же, не ведая, что от него хотят, уставился теперь уже не на одного, а на двух незнакомцев.

Рублев о чем-то с опаской подумал и занервничал, как человек, у которого черт знает какими вопросами медленно, но уверенно выбивают почву из-под ног.

– Справедливости ради будет сказано, к порядочным людям мы и в самом деле не ходим! – сказал господин и велел Ивану Ивановичу что-то подать. Слуга незамедлительно достал из-под плаща темно-бурый кожаный альбом для монет и передал его своему господину.

– Это ваша вещь? – спросил господин.

Рублева словно ударили током.

– Вы хозяин рубля, доставшегося мне при обмене! – радостно воскликнул Рублев, обрадовавшись, как человек, который битый час подряд разгадывал шараду, а разобравшись с головоломкой, собственноручно наградил себя прекрасным настроением.

Нумизмат, руководствуясь открывшимися обстоятельствами, сделал вывод, что незнакомцы, объявившиеся у него на пороге, тоже нумизматы, как и он и, стало быть, близки ему по духу. Он отбросил все опасения в сторону и решил им довериться.

– Проходите, я должен вас посвятить в чрезвычайное происшествие, – взволновано сказал Рублев, приглашая в дом черт знает кого.

В голове у него снова все перемешалось, как только он вспомнил о Николае Александровиче.

– И вы не боитесь вот так, запросто, впускать к себе в дом незнакомцев? – удивился Иван Иванович, закрывая за собой дверь.

Рублев опешил и растеряно спросил:

– Вы что, не нумизматы?

– Не хочу вас огорчать, уважаемый Егор Игоревич, но деньги в любом своем облици, если они только не больше, чем просто деньги, ни меня, ни моего слугу не интересуют.

– Но вы же сами мне дали понять, что рубль ваш!

– Рубль наш! – решительно подтвердил Иван Иванович.

– Вот и хорошо, это главное, – успокоился Рублев.

– Справедливо! – подметил господин. – Но о коком происшествии вы говорили?

– Вот полюбуйте, это что-то невероятное! – захлебываясь от волнения, сказал Рублев и распахнул дверь своей комнаты, где, как и раньше, продолжал находиться Николай Александрович.

– Здравствуйте, Николай Александрович! – с почтением сказал Иван Иванович и слегка даже что ли сконфузился, наверное, оттого, что никак не ожидал встретить за дверью мужчину с бородой и в серой шинели, а господин, напротив, и бровью не повел, как будто, так и надо.

– Вы знакомы? – изумился Рублев.

– Как само собой разумеющееся! – ответил господин.

– Они все с нами одной веревкой связаны! – выкрикнул Иван Иванович.

– Иван Иванович, не перегибайте палку.

– Ну, рубли же наши?!

– Правильно, они все вкупе своей заслужили быть в нашем альбоме, а не у Него. Чего только кружка с пряником стоит! Да, Иван Иванович?

– Да, мой господин. Треск ломающихся костей под ногами, сдавленные предсмертные крики и дикие вопли, когда толпа подминала под себя очередную жертву халатности государя.

Рублев побледнел.

– Хорошо, Иван Иванович, но нужно, чтобы картина была ясней, и больше сочных красок.

– Слушаюсь, мой господин.

– Дело тут не в послушании, а в даре, данном свыше. Если осла бить дубиной, он все равно не поскачет, как конь. Ваша мысль может лететь как штормовой ветер и сбивать с ног! Не превращайте ее в черепашу. И больше эмоций!

– Слушаюсь, мой господин. Казаки машут шашками и умывают кровью лошадей. Люди просят пощады и, преодолевая боль, до последнего вздоха верят, что царь батюшка, их верная опора и последняя надежда, не вышел к ним на встречу и не наказал виновных, потому что не ведает о бесчинствах и где-то печется об их благополучии, а не отсиживается, как предатель за городом.

Рублеву все больше становилось не по себе и у него на лбу засверкали капельки пота.

– Иван Иванович, страшно, но здорово!

– Спасибо, мой господин, но я не люблю этой жути, хоть и порой прикладываю к ним свою руку. Я люблю добрые и волшебные сказки, как у Андерсена.

– Это замечательно. Иван Иванович, однозначно из вас выйдет толк.

– Какой, мой господин?

– Время покажет. Николай Александрович, вы не обиделись?

– Ничуть! – отрешенно от всего белого света ответил Николай Александрович, продолжая смотреть в окно.

– Как, собственно, всегда! – сказал господин и улыбнулся.

Иван Иванович прокашлялся.

– Иван Иванович, полно! На свете есть вещи, которые не стоит оживлять с помощью слова. Тысячи людей задыхающиеся от газа и гниющие заживо в окопах не за отчизну, не за свой народ, а потому что государь оставил свой автограф на бумаге, как раз относятся к этим вещам.

– Слушаюсь, мой господин.

– И все бы ничего, – продолжил господин, – но было слабование!

– И пляска под мою дудку! – радостно сказал Иван Иванович.

Господин нахмурился и строго посмотрел на слугу.

– Что-то не так, мой господин? – осторожно спросил Иван Иванович.

– Не причисляйте себе сомнительные заслуги шарлатана, который так любил пирожные, что променял на них собственную жизнь. У вас же есть подвиги достойные пера, вот про них и надо говорить.

– Как я душил фашистов!

– Иван Иванович, предполагаю, что эстетического удовольствия это никому не доставит.

– А как же я?

– Вы автор и не считаетесь! Теперь помолчите, я закончу.

– Слушаюсь, мой господин.

– И как следствие, все выше перечисленное привело к отречению от престола!

«Кем угодно могут обернуться. Может быть как я – историки?» – подумал Рублев.

– Мы не изучаем историю, мы ее делаем! И что значит, кем угодно? – возмущенно сказал Иван Иванович.

Рублев лишился дара речи.

Картина вырисовалась малоприятная, и господин поспешил разрешить ситуацию, наверно, лучше других, зная об амбициях своего слуги.

– Иван Иванович, что вы такое говорите? Егор Игоревич! – Не принимайте близко к сердцу – Иван Иванович шутит. А обиделся, потому что ему все кажется, что пройдет время и о нем никто не вспомнит. Ерунда! Его будут помнить всегда! По секрету, у него есть чудесные рассказы.

– Вы, правда, так считаете, мой господин?

– Определенно! Что же касается до причисления Николая Александровича к лику святых великомучеников, тут мы не при чем. Справедливости ради хочется спросить, если Николай Александрович, скончавшийся мгновенно от пуль, великомученик, тогда кто его народ, который заживо гнил на просторах родной земли, охваченной огнем?

– Я не просил! – сказал Николай Александрович. – Какой мне прок от этого? Или может быть есть прок оставшимся в живых, которым нашим возведением в святые попытались утихомирить пожар негодования в сердце и унять душевную боль за свою династию?

– Какие у вас могут быть родственники? – усмехнулся господин. – Если только что седьмая вода на киселе! Я предполагаю, что дело обстоит намного прозаичней.

– Да, мой господин. И ничего с этим не поделаешь, – усмехнулся Иван Иванович, – будете святым, раз Бог так патриарху на ушко шепнул. Никому не слухом, не духом, а ему самолично!

– Не паясничайте, Иван Иванович, – строго сказал господин и сверкнул зелеными глазами.

– Слушаюсь, мой господин.

– Но от чего же, пускай, таков удел шута! – сказал Николай Александрович и Иван Иванович обиделся и раскричался: – А удел монархов – заваливать Бога вопросами. Желаете знать почему вы в нашем альбоме, а не с семьей? Ответ Его – ваши вопросы. Да, да, ваши вопросы. Если вы спрашиваете, значит, не понимаете всю тяжесть своих поступков. Истинно покаявшемуся человеку, не нужны никакие ответы и не спрашивает он, а безропотно принимает лишения и невзгоды. Принимает как дар, потому что и лишения надо еще заслужить.

– Иван Иванович, такие вещи не растолковываются, к ним нужно приходиться, как вы говорите: «самолично!» – сказал господин и покачал головой.

– Он первый начал и еще обзывается!

– Не обижайтесь на императора, Иван Иванович. Шут испокон веку самая светлая голова пре дворе. И как правило, светлее, чем у того, кому он служит!

Иван Иванович с открытым ртом посмотрел на того, кому он служил.

– Это не про вас, не обольщайтесь!

– Слушаюсь, мой господин.

– Мало мне в это верится, да некогда вас наставлять, потому что если Николай Александрович здесь, значит все остальные, кто так или иначе имеют к нам отношение, разгуливают по городу.

Иван Иванович опустил голову в знак того, что чувствует свою вину.

– Да, Иван Иванович, вы снова отличились!

– Кто мог подумать! – воскликнул Иван Иванович. С виду порядочный гражданин, даже говорил, что адреса может достать.

– Они что же еще остались, что вам адреса обещали? – удивился Николай Александрович.

– Не перевелись сволочи! – сердито ответил Иван Иванович, сжимая кулаки. – До того обнаглели, что маршируют по улицам с лысыми головами.

Николай Александрович улыбнулся, и на мгновение показалось, что болезненная печаль в глазах императора отступила.

– Правильно, бритые наголо, и никак иначе! – поправил господин своего слугу. – Если вы решили стать настоящим писателем, а не абы каким, надо не только учиться писать литературным языком, но и говорить на нем!

Рублев был в полном замешательстве, но, как первоклашка на первом в жизни уроке заглядывает в рот учителю, не спускал глаз с гостей, жадно ловя каждое слова. Он до боли в голове продолжал лихорадочно пытаться найти ответ, кем в действительности являются незнакомцы. Кое-какие мысли были, но он изо всех сил гнал их прочь, как тогда, когда хотел скрыться от мыслей о Николае Александровиче. Надо сказать, что Ивана Ивановича это уже начинало порядком раздражать, а у Николая Александровича вызвало такое недоумение, что он не выдержал.

– Имею вам честь представить, – тяжело, без огня и радости, сказал Николай Александрович, как арестант, на долю которого выпало представлять тюремное начальство. – Самый настоящий черт и его господин, не нуждающийся в особом представлении.

– Благодарю вас, Николай Александрович, за столь исчерпывающий ответ, – поблагодарил господин.

Рублев не поверил.

– Говорил я вам, мой господин, надо обозваться иностранцами.

Господин улыбнулся.

– Сегодня, Иван Иванович, от этого мало кто голову теряет. Но, справедливости ради, надо признать, вы, Иван Иванович, несомненно, правы. Человек готов поверить во что угодно,

но только не в истину. Это, Егор Игоревич, вам может сказать Николай Александрович. У него в этом большой опыт.

Николай Александрович промолчал.

Иван Иванович усмехнулся:

– Наверно, чересчур большой!

– Иван Иванович, еще раз вам говорю, не паясничайте, – строго сказал господин. – Не надо много ума, чтобы заклеить, а вот что-либо исправить – это под силу не всем. Лучше развеяли бы сомнения Егора Игоревича.

– Слушаюсь, мой господин, – сказал Иван Иванович и снял свою необыкновенную шляпу. Рожки, как у молодого козлика, окончательно лишили Рублева порядка мыслей и главное равновесия. У него подкосились ноги, и он стал садиться там, где стоял, и если бы не стул, который ловко подставил Иван Иванович, то Рублев непременно грохнулся на пол.

Чтобы лучше понять разворачивающуюся картину, представьте себе самую обыкновенную кухню со столом, газовой плитой, холодильником и стульями. У газовой плиты стоит господин. У него все на виду, и когда это необходимо, он переводит разговор в другое русло или вовсе его прекращает. Иван Иванович выбрал себе место в самом центре и не выманить его оттуда никаким калачом. Николай Александрович так и остался стоять в соседней комнате, наблюдая за всем, что происходит на кухне одним глазом, как некоторые большие чиновники, у которых представлении о мире складывается из окна рабочего кабинета. И как бы они не скрывали, у них написано на лице, что заботы других их по большому счету не волнуют, а если когда и трогают, они с большой помпой берутся за дело, но, к сожалению, выходит из этого всегда черт знает что. Рублев, как чумной, сидит на стуле и постепенно теряет рассудок от сотен вопросов, которые точно, рой диких пчел с невероятным гулом кружились у него в голове. Отчего его голова не переставала шуметь и с каждой минутой становилась все тяжелее и тяжелее.

– Не так страшен черт, как его малюют! – сказал господин. – Но что, скажите на милость, станем делать? Взгляните на Егора Игоревича.

Учитель истории не то чтобы продолжал не верить, он верил, но еще как-то по-особому, как будто пребывал во сне. И все ждал, что он сейчас проснется и все станет на свои места, но проходило время, а он все никак не мог проснуться, потому что не спал. И постепенное осознание этого одновременно и будоражило рассудок вплоть до помешательства и приоткрывало в душе невидимую дверцу, за которой в самых недрах человеческой души хранится истина. Та самая главная духовная истина, что все равно рано или поздно настигает человека, и нет, не обязывает и не принуждает уверовать в высшую силу, а твердо, раз и навсегда, ставит человека перед неоспоримым фактом ее существования.

Иван Иванович улыбнулся.

– А вот веселье здесь неуместно, – строго сказал господин и Иван Иванович спрятал улыбку. – Егору Игоревичу совсем не до смеха

Рублев очнулся и окинул всех присутствующих вопросительным взглядом.

– Егор Игоревич, я считаю вас умным человеком и не надо меня в этом переубеждать. У нас дел невпроворот, а мы топчемся на одном месте. Иван Иванович, намекните что ли, – попросил господин.

– Может, просто, пускай скажет, где серебряник лежит, или кувалдой по голове, и никаких мучений? – предложил Иван Иванович.

– Иван Иванович сейчас же прекращайте, ваши методы здесь неуместны. Егор Игоревич ни в чем не виноват! Серебряник к нему попал по воле судьбы.

Здесь автору в самую пору поведать читателю, что неделю назад в руки Рублеву попала загадочная серебряная монета. Монета была старинной если ни древней. И кому бы Рублев не показывал свою находку, все только разводили руками. Один почтенный нумизмат со ста-

жем предположил, что монете две тысячи лет. Так это или нет, твердых доказательств не было. Надо было проводить экспертизу, а пока Рублев хранил монету отдельно от других.

Эта самая монета и интересовала высшие силы. И вот Иван Иванович повелению своего господина совершил с Лёней обмен, рассчитывая получить необыкновенную монету, а дальше известно: желаемого в альбоме не оказалось и раздосадованные герои явились к Рублеву, чтобы разобраться и восстановить справедливость.

Что это за монета такая и правда что она была отчеканена две тысячи лет назад, автору неизвестно, но потому какие события разворачиваются вокруг нее можете сами судить, что монета и правда необычайная, и таит в себе тайну.

А между тем разговор продолжался.

– Иван Иванович, неужели вы и в мемуарах станете писать о своих методах? – осторожно спросил господин.

– Разумеется, мой господин.

– Я так и думал! – воскликнул господин.

– А как же иначе мой господин, пусть все знают, что я прожил нелегкую жизнь? Представьте сами, сколько мне приходится махать после каждой революции. Злодеев тьма! Руки так и отнимаются, а бывает, что с первого раза и не получается.

– Хватит, хватит, Иван Иванович, возьмите себе в руки. Я вам за здоровье, а вы мне за упокой. И еще, напишите мемуары, дадите мне, я ошибки исправлю, а то засмеют.

– Мой господин хотел сказать: «испугаются!»

– И то, правда. Опубликуем посмертно!

– А как же слава?! – воскликнул Иван Иванович.

– Иван Иванович, как вам не стыдно? Ваше истинное имя известно всем с малых лет. У каждого достойного писателя вы хоть раз, да и отмечались на страницах романов, не говоря уже о Николае Васильевиче и Михаиле Афанасиевиче, которые написали о вас целые произведения. Конечно, они упоминали и обо мне, но мы сейчас не про меня. Одним словом, чтобы я больше о славе не слышал. Полно, и так о вас на каждом углу трезвонят.

– Как на пожаре? – спросил Иван Иванович.

– Пожалуй, так можно сказать: «огонь вам к лицу». Но как скажите этот Лёня смог обвести вас вокруг пальца?! И самое главное, когда вы это поняли?

Имя Лёни, подействовало на Ивана Ивановича, как красная материя на быка. Он сжал кулаки и стал закипать от ярости.

– Я этого Лёню по стенке размажу, как комара, который сосет кровь у порядочных граждан.

– А что, комары в 21 веке не сосут кровь у злодеев? – удивился Николай Александрович.

– Представьте себе, не сосут! – язвительно сказал Иван Иванович, разводя руки в стороны.

– Вы по себе судите или как? – усмехнулся Николай Александрович.

– Господин, скажите, чтобы Николай Александрович не приставал, а иначе я скажу, что комары и у святых кровь не сосут.

– Что вы такое говорите?! – всплеснул руками господин. – Николай Александрович, пожалуйста, не придирайтесь к Ивану Ивановичу, а то он может такое ляпнуть, а мне потом за него отдувайся!

– Хорошо!

– Вот славно. А у вас, Иван Иванович, еще представится возможность пообщаться с Лёней. Сейчас же я жду от вас ответа.

На какой вопрос, мой господин?

– Иван Иванович, а вы еще пытаетесь писать мемуары! Как вы можете написать, что было с вами тысячу лет назад, если спустя минуту не помните, о чем вас спрашивали?

- Я помню местами, а что не помню, придумываю. Получается лучше, чем было.
- Вы неисправимы!
- Это плохо, мой господин?
- Это замечательно! Зачем мне спрашивается нужен исправимый черт?!
- Тогда подскажите.
- Хорошо, но в последний раз. Как вы догадались о подлости Лёни? Спрашивать о том, как вас обхитрили, как я понимаю бесполезно.
- Да, мой господин, вы как всегда правы.
- Хорошо ответьте на любой пожеланию.
- Тогда на первый. Разбирательства моего промаха не придадут мне популярности.
- Вы опять печетесь о славе?!
- О нет, мой господин и еще раз нет. Все во имя репутации – будь она не ладна. Ведь служу не, а бы кому. Вы согласны мой господин? – с лукавством сказал слуга.
- Кто-то сейчас действительно подмочит свою репутацию, – с иронией ответил господин.
- Это не допустимо, мой господин
- Вы так полагаете?
- Да, мой господин, надеюсь на ваше великодушие.
- Надейтесь, но если вы не прекратите набивать себе цену, пеняйте сами на себя.
- Я застал Николая Александровича в комнате у Егора Игоревича, додумал, что следовало, и нарисовал у себя в воображении картину произошедшего.
- Вот так мои друзья у автора рождаются гениальные полотна, над которыми время не властно!
- Благодарю, мой господин.
- Это не про вас, Иван Иванович у вас покамест только неплохие цветные картинки, а не яркие глубокие полотна как у Достоевского.
- Я очень люблю творчество Федора Михайловича, – сказал Иван Иванович.
- Вы черт, Иван Иванович, как вы можете его не любить! И потом вы всю жизнь выводите на чистую воду неблагочестивых граждан. Они у вас все или через одного раскаиваются и изнемогают от душевных ран.
- Как Раскольников?
- Возможно, что даже хуже!
- Благодарю, мой господин – сказал Иван Иванович и первый раз за тысячи лет решил вступить со своим господином в дебаты и даже для этого открыл рот, но застыл.
- Говори Иван Иванович, разрешаю!
- Растолкуйте, как писать, что писать, чтобы и мои книги, как труды классиков затерли до дыр?
- Что значит, до дыр?! Тайны настоящей книги не на поверхности и, чтобы раскрыть загадки оставленные гением невидимыми чернилами между строк, нужны годы, а порою и целая жизнь.
- Ну что же делать, если все раскрыто, и разгадано?! – не унимался Иван Иванович.
- Невозможно постичь непостижимое!
- А как же вы, мой господин, и Он?
- Я смотрю, понесло тебя, Иван Иванович.
- Прошу прощения, мой господин, все ради справедливости!
- Господин улыбнулся и воскликнул:
- Черт истинный черт и тут лазейку нашел, чтобы наказания избежать и своего добиться. Потом сделался серьезным и продолжил:
- Я и Тот, чье милосердие и величие не знает границ, вкладывают свои мысли смертному, чтобы понятным языком донести до людей знание о том, где зло, а где добро. Чтобы потом,

когда злодею придет время отвечать за содеянное злодеяние, он не говорил, что я, мол, не ведал что творил, ибо не понимал, где плохо, а где хорошо. Если смертный справился, Он берет его к себе, где вместе с ним читает и радуется, а если не выходит, то работает смертный над нашими мыслями, пока не получится. Сначала все пишут такую белиберду, что страшно в руки брать. Тут вступаем в дело Мы, подбрасываем пару светлых мыслей, и идет все, как по маслу. И это лишний раз доказывает, что у гениев, какими богата русская земля, сюжет вещь второстепенная, главное – это мысли, заключенные в повествование. А интригующий сюжет нужен, чтобы только сковать по рукам и ногам читателя, чтобы он, испепеляемый желанием узнать дальнейшее развитие событий и во всем разобраться, как можно глубже, проникнулся замыслом автора, который у истинного писателя заключается в том, чтобы читатель по-настоящему размышлял, а не просто убивал приятно время. Поэтому общение читателя с истинным писателем это не забава, а великий труд. Проблема современных нет, не писателей, а писак, что у них вроде бы и сюжет неплохой, но он пустой, как бамбук. У писателя же и сюжет необыкновенный, и светлых мыслей целый вагон. И вот писатель трудится дни и ночи напролет, разгружая свои мысли в строго отведенных местах. Удалось – гений! Не удалось – писатель!

– Так может мне всех, кто книжонки штампует, потравить газом за вредительство душ? – решительно воскликнул Иван Иванович.

– Про души ты упомянул справедливо. Ничто другое на свете, кроме еще лени, так сильно не ранит душу, как плохая книга. Но горячку пороть ни к чему. Пройдет время и люди непременно рано или поздно одумаются, и им будет над чем, и над кем посмеяться. Сейчас же меня больше волнует другое.

– Да, мой господин. Неужели и в правду теперь получается, что я зря шептал Егору Игоревичу на ухо, чтобы он избавился от своих монеток и начал собирать серебряные рубли с портретами русских царей и императриц.

– Иван Иванович, сейчас это уже мало кого занимает.

– И все равно прошу всех отметить, что я подговаривал Егора Игоревича на правое ухо, а, не на левое. Черновы Иваны Ивановичи шепчут только на правое ухо. Отсюда следует, что никогда не плюйте через левое плечо.

– Неужели вы, лично, призываете всех, как вы выразились, граждан плевать через правое плечо? – удивился Николай Александрович.

Иван Иванович сделался недовольным.

– Помню я вас Николай Александрович другим. Что, стало все можно?

– Мне и раньше все можно было!

– И что же вы, Николай Александрович, только сейчас стали пользоваться властью данной вам свыше?

– Если я вас правильно понял, Иван Иванович, вы меня спрашиваете, почему я в свое время на ваш манер кувалдой не махал?

– Да! Зря не пробовали, помогает.

– Ну, знаете!

– Я-то знаю, в отличие от вас, я пробовал!

– Иван Иванович, утихомирьте свой пыл! – сурово сказал господин, сверкнув зелеными, как у кота, глазами, в которых читалось понимание, что до добра дебаты не доведут.

– Николай Александрович, прошу вас впредь не придирайтесь к Ивану Ивановичу, потому что он черт, и знает, что ответить, чтобы устроить перебранку или, того хлещи, резню!

– С газом, – тихо сказал Иван Иванович.

– Приберегите, пожалуйста, газ для фашистов.

«Два сапога пара!» – подумал Николай Александрович.

– Вы правы, Николай Александрович, только разных размеров. И у нас, в отличие от людей, пешки королями не становятся и поэтому вы, люди, всегда делали, и будете делать хуже нас свое дело, – ответил господин.

Иван Иванович затоптался на мести и с просьбой в глазах посмотрел на своего господина.

– Говори, все равно не удержишь.

Иван Иванович поблагодарил и сказал, что хотел.

– И все из того, что одни не спят по ночам и ломают голову, как из пешки превратиться в короля, а другие не спят, опасаясь, что из короля превратятся в пешку, а между тем дело стоит и загнивает. Эх народ!

Господин улыбнулся:

– За то ценю Ивана Ивановича, что он настоящий черт. А народ? Народ всегда прав.

Николай Александрович, вы согласны?

– Согласен. И это самое ужасное.

– Почему? – удивился Иван Иванович.

– Потому что ни один монарх не прислушивается к голосу народа, – печально сказал Николай Александрович.

– Иван Иванович уже было собрался что-то сказать, но его опередил господин.

– Истину оспаривает только невежа. И так на чем мы остановились?

Что это я решил, чтобы Егор Игоревич собирал императоров и императриц, потому что они у меня уже в печенках сидят.

– Не забываетесь, Иван Иванович, и извинитесь. А то, что все дело в вас и в Лёне, всем уже предельно ясно.

– Извините, Николай Александрович, вы исключение.

– Это ложь! – ответил Николай Александрович.

– Вот видите, мой господин.

– Николай Александрович не при чем, просто ему очень много лгало его окружение, и теперь он не выносит лжи. Продолжай, Иван Иванович.

– О чем тут можно продолжать? – громко воскликнул Иван Иванович и стал нервно ходить по кухне.– Я, как Кассандра, предвидел все, но только в ее случае ей никто не верил, а в моем я не верил самому себе. Операция провалена! – продолжал восклицать Иван Иванович, расхаживая взад вперед как маятник, держа руки в карманах.– Лёня стянул рубли! Императоры и императрицы разгуливают по городу или сидят в карманах новых владельцев монет. Кто виноват, ума не приложу! Я? Исключено! Я сделал все как надо! – сказал Иван Иванович и замер посреди кухни с яростной грустью в глазах.

Рублев пускай хоть и с промедлением, но все же смог приблизиться к разгадке некоторых запутанных вопросов, которые все это время безжалостно терзали его разум. Нет, не так, чтобы окончательно покончить с темными пятнами, как ему показалось, очень непростого происшествия. Но ему наконец-то стало понятно самое главное на данном этапе. Обрывки фраз и имя приятеля, который по его просьбе произвел с Иваном Ивановичем обмен, пролили свет на то, что от него так добывались необыкновенные герои. Рублев наконец-таки понял, что им нужна та самая непростая серебряная монета, которая для учителя истории оставалась загадкой.

Монету Рублеву в подарок принес знакомый охотник. На охоте на барсука, собака приятеля ушла в нору за добычей и долго не возвращалась. Обеспокоенный хозяин разрыл нору, освободил четвероного друга и за одно выстрелом на повал поразил разъяренного зверя. Со слов приятеля, Рублев пришел к выводу, что домом барсука было самое настоящее древнее захоронение.

Наткнувшись на человеческие останки, охотник испугался, но успел взять сверкающую монету. Чтобы вернуться обратно на место находки, охотник на отрез отказался. Монету он отдал Рублеву и поскорее постарался забыть.

Как и откуда незваные гости узнали о монете, Рублев не думал. И это было вполне естественно, если учесть то, кто были его гости. И вообще надо отметить удивительную особенность состояния Рублева. Теперь он несколько не боялся и внешне был спокоен. Волнение осталось, но теперь оно было не то, что прежде. Новое волнение было что-то вроде того, когда вы долгое время грезили захватывающей прогулкой или поездкой, нет, самым настоящим приключением, и вот наконец-то оно должно было начаться. Откуда это было у Рублева, неизвестно, можно предположить. Он чувствовал, он знал, что с появлением у него загадочной монеты непременно случится что-то невероятное, такое, что в корне изменит его жизнь. А как же иначе! Ведь на свете нечего не происходит просто так, само по себе, ведь если что-то случается, значит это кому-то нужно.

Как не крути, обмен состоялся. Рублев встал со стула и, как не в чем ни бывало, прошел в свою комнату.

Иван Иванович недоуменно посмотрел на своего господина.

– Я полагаю, что все только начинается, – сказал господин и улыбнулся.

Рублев взял с книжной полки книгу средних размеров, вернулся обратно в кухню и остановился в шаге от Ивана Ивановича.

– Возьмите, он по праву ваш! – сказал Рублев и открыл книгу.

Черт знает какая серебряная монета сверкнула тревожным светом, вызвав блеск торжества в черных глазах Ивана Ивановича.

Николай Александрович вышел из комнаты с любопытством на лице.

– Можно посмотреть? – спросил он и встал рядом с Рублевым.

– Я слышал об этой монете от бабушки, – сказал Николай Александрович.

– А я от Бога! – улыбаясь, сказал господин, и все с уважением посмотрели в его сторону.

– Ну что же вы! – недоуменно сказал Рублев, спустя минуту, по истечению которой к монете никто не прикоснулся. – Я вам ее дарю!

– Благодарно! – сказал Николай Александрович.

– Я все равно не могу, после того, что случилось, – ответил Иван Иванович.

– Давайте по справедливости, – сказал господин и закрыл книгу в руках Рублева, – монета будет у вас, пока мы не вернем все рубли, которые по праву должны принадлежать вам, после чего поменяемся по справедливости.

– Я согласен!

– Еще бы вы не согласились! Настоящие приключения всем по вкусу. Теперь же меня волнует, где рубль с портретом Николая Александровича и сам альбом с гербом дома Романовых?

Рублев показал серебряный рубль и альбом.

– Николай Александрович, как вы желаете: с нами или в альбоме? – спросил господин.

– С вашего позволения, я бы прогулялся по свежему воздуху, – попросил император.

– Рубль принадлежит Егору Игоревичу, ему и решать.

– Ради Бога!

– Благодарю.

– Вот только я не понял, что значит, желаете с нами или в альбоме? Неужели Николай Александрович может поместиться в альбоме?

– А где по-вашему он был раньше?

– Неужели в альбоме?!

– Егор Игоревич, вы поверили всему, что говорил Иван Иванович, но не возьмете в голову элементарную вещь. Что же будет дальше, когда мы станем летать по небу и творить черт знает что?

– Мы станем летать по небу? – изумился Рублев.

– Это мелочи, по сравнению с тем, что они могут и делают на земле! – сказал Николай Александрович.

– Справедливо! И если вам мало предоставленных доказательств, будьте так любезны, следуйте за мной. Пока мы будем спускаться, я надеюсь, что Иван Иванович организует транспорт, чтобы наша поездка прошла с ветерком.

– Слушаюсь, мой господин, – сказал Иван Иванович и растворился в воздухе.

Рублев опять обомлел.

– Привыкайте, уважаемый, это был заурядный пример черной магии, самые невероятные вещи ожидают вас впереди. И еще, пожалуйста, возьмите собой рубль и альбом Романовых. О том чтобы вы взяли собой и серебряник, я говорить не стану, потому что это вы должны сделать в первую очередь и без всяких напоминаний.

– Я сделаю все, как вы велели, но не могли бы вы сказать, как вас называть, а то, знаете, как-то не удобно.

– Мои дела – мое имя! Ну, раз вы просите, и мой слуга назвался на русский манер, Иваном Ивановичем, извольте зовут меня Дмитрием Сергеевичем, в честь первых букв имен, которые я получил от своего незабвенного учителя.

– Хорошо, Дмитрий Сергеевич.

– Вот и славно. Прощу на выход, а то предполагаю, что Иван Иванович уже заждался.

Дмитрия Сергеевича и его спутников ждала коляска, запряженная тройкой вороных коней с бубенцами. Черные как смоль от хвоста до ушей, верные на все времена помощники Ивана Ивановича звали в дорогу, били копытам и сыпали горящие искры на тротуар.

– Двадцать первый век на дворе, где вы раздобыли это чудо? – воскликнул Рублев, с восхищением рассматривая транспорт, который Гоголь в труде всей своей жизни сравнивал с Россией.

– У цыган выменял! – отвечал Ивана Иванович.

– На что, если не секрет? – спросил Николай Александрович.

– На то, что они еще тысячу лет будут сыты и обуты, не работая.

– В три дорого переплатили, русскому народу тысячу лет придется расплачиваться, – недовольно сказал Николай Александрович, но охотно сел в коляску.

– Хоть и неважный, но император до мозга костей, – шепнул Дмитрий Сергеевич на ухо Рублеву.

Все уселись в коляску, и Дмитрий Сергеевич повелел:

– Трогай, Иван Иванович, а то еще немного и выбьет Павел Петрович всю дурь из Лёни и его детям ничего не достанется.

– Это как? – взволновался Рублев.

– Насмерть!

Да разве так можно?! – воскликнул Рублев и, растревожившись, встал на ноги.

– А от чего же нельзя, – сказал слуга и взял в руки вожжи.

Рублев побледнел.

– Садитесь, Егор Игоревич, Иван Иванович шутит.

Коляска дернулась с места, прежде чем Рублев успел сесть и он упал и, ударившись обо что-то головой, уснул сном младенца. Да именно уснул, а не потерял сознание.

Рублев спал и не видел, как коляска несла его по улице Большая Садовая, останавливалась на светофорах и срывала восхищенные, переполненные любопытством, взгляды прохожих, которые с замиранием сердца провожали экипаж с необыкновенными пассажирами. Как Николай Александрович по привычке махал людям рукой и как коляска, словно птица парила над городом.

Рублев спал и не слышал, как Дмитрий Сергеевич сказал:

– Николая Александровича, ваш голубь пробился через тучи.

В глазах Николая Александровича вспыхнуло волнение, заглушившее болезненную печаль.

– Какой Его ответ? Почему я не с семьей?

– Его ответ – больше слушайте шутов! – ответил Дмитрий Сергеевич и спрятал рубль Николая II в альбом Романовых и Николай Александрович растворился в воздухе.

Глава четвертая. Павел Петрович

По дороге домой Лёня зашел на Центральный рынок.

Деловито осматриваясь по сторонам, он шагал по рыбному ряду. Осетрина с золотыми прослойками жира, пузатые цимлянские лещи горячего и холодного копчения, сверкающие от проступающих капелек жира рыбцы, балык из «толстолоба» и сазана, сушеная чехонь и «тараночка», что словно мед под пиво. Горы копошащихся раков и длинный ряд машин с бочками, доверху наполненными живой рыбой, запрыгивающей из сачков продавцов прямо в сумки покупателей. Аромат, пробуждающий волчий аппетит, витал по рыбному ряду. От разнообразия рыбы шла кругом голова. Гости города, прежде только слышавшие о дарах Дона, завидев наяву достояние донской земли, теряли сон, и порою случалось, что даже сходили с ума.

Лёня купил литровую банку черной паюсной икры, соленой осетрины и сотню живых раков с хвостами шириною в ладонь, заплатив за усачей по пятьдесят рублей за штуку. На выходе из рынка Лёня зашел в магазин и припас к рыбному столу десять бутылок пива. Проходя мимо храма с золочеными куполами и колокольней, пронзающей небо, Лёни вздумалось перекреститься, но руки были заняты, и он заторопился на съемную квартиру, где его никто не ждал, потому что он считал брак полной мороккой.

У Лёни была девушка, которая по его зову, сломя голову, летела к нему на встречу. Мимолетная близость обрывалась поздним утром, когда Лёня просыпался и вежливо выставлял подружку за дверь.

В прекрасном расположении духа Лёня вошел в просторную двухкомнатную квартиру, за которую частенько задерживал оплату. Он погрузил покупки в холодильник и взялся за телефон. Набирая номер, он улыбнулся своему отражению в зеркале, отметив про себя, что не мешало бы наведаться в магазин модной одежды и одеться с ног до головы. Так сказать, для разминки с каждой секундой разжигающегося воображения, которое проснулось от обладания солидной суммы денег, и требовало полета мысли и осуществления самых заветных желаний.

Услышав на другом конце линии бархатный женский голос, Лёня зажмурился и глубоко вздохнул в предвкушении приятной и сладостной встречи.

С гусарской бравадой в голосе Лёня ясно дал понять, что он готов встретить «любимую» во всеоружии, и чтобы она как можно скорей была у него, а иначе он все съест сам, или хуже для нее – позвонит их общей знакомой Гале!

Ох, если бы Лёня только знал, что будет с ним происходить в ближайшее время, он повел бы себя совсем иначе. Гусарская бравада испарилась бы бесследно, улыбка спала бы с довольного лица, и метался бы Лёня в мыле, и, пытаясь исправить непоправимые вещи, натыкался бы на непреодолимые преграды, отчего бился бы в истерике, одолеваемый животным страхом и черным отчаяньем, истязаемыми сердце.

Лёня открыл глаза и, облокотившись о стену, достал из кармана рубль Павла I 1796 года и, покручивая в руке серебряную монету, улыбаясь, сказал:

– Ну, как я их всех!

– Не знаю, не знаю, – заговорил портрет Павла I на монете, и Лёня остолбенел. – Я тоже так думал, – продолжал говорить портрет Павла I с монеты, – а мне взяли и кислород перекрыли!

– Черт возьми! – выкрикнул Лёня и выронил из рук рубль, словно горящую головешку.

– Э нет, Леонид Олегович, это они вас с собой захватят, а меня в альбомчик вернут, – раздался голос за спиной насмерть перепуганного Лёни. Он обернулся, и, от неожиданности вскрикнув что-то невразумительное, сел на пол.

В шаге от Лёни, который был бледен, как мертвец, стоял мужчина ниже среднего роста с детским личиком и русыми волосами, собранными на затылке в длинную тонкую круглую косичку, отдаленно напоминающую короткую указку (как у нервных злых учителей).

На мужчине как литой сидел узкий черный камзол, через плечо была одета широкая красная лента, шею обвивал бант, на котором висел мальтийский крест. Был мужчина какой-то весь дерганый, словно был на иголках и, простояв по стойке смирно с полминуты, нервно забегал по квартире, словно опасался за свою жизнь или что-то вроде этого.

– Я помазанник божий! Мои слова – слова Бога! Пока я жив, жива Россия! Где Александр, где этот христородавец? – еле слышно говорил мужчина, напрягая все свое естество, так что у него выпирали вены на висках. Он говорил это хрипя, каким-то сдавленным голосом, словно ему кто-то закрыл рот рукой и не давал говорить громко, хотя было видно и совершенно понятно, что мужчина хочет кричать, вопить, чтобы его услышали и спасли.

– Что расселся, а ну вставай! – прохрипел мужчина. – Надо готовиться, дорогих гостей встречать.

– Это кого, Лену что ли? – заикаясь, спросил Лёня, покрываясь холодным потом и послушно вставая на ноги

– Нет, гвардеец, не Лену! – сказал мужчина и, подойдя вплотную к Лёне, трясущемуся от страха, шепнул, хрипя изо всех сил и напрягая голосовые связки:

– Чернова Ивана Ивановича.

Лёня подумал о том, что он где-то это имя уже слышал, но вот где именно и при каких обстоятельствах, хоть убей, забыл.

– Они тебе напомнят, не переживай! И про чужие рублики, что себе присвоил, и про крест золотой матери покойницы, который ты продал, а деньги просадил с Галей!

Лёня еще больше побледнел и жалобно через высохшие и полопавшиеся от перенапряжения губы выдавил:

– А вы кто?

Как только он это сказал, перед его глазами невидимый художник за считанные секунды изобразил картину, на которой стройный молодой парень в окружении черт знает кого говорит:

– Отречение и только?

– Да, только отречение! – отвечали черт знает кто с ухмылкой на губах.

– Он там, пойдете, я покажу! – говорил парень и показывал черт знает кому куда-то рукой. Черт знает кто вбегали черт знает куда и в лунном свете кого-то били табакеркой по голове, валили на пол и душили.

– А теперь Леонид Олегович, шагом марш! – прохрипел мужчина, и Лёня с перекосившимся лицом и животным страхом в глазах замаршировал, словно бравый солдат.

У мужчины в руках, откуда ни возмись, объявились смоченные в воде длинные розги, которыми он беспощадно принялся хлестать Лёню.

– Давай, сукин сын, ты же можешь лучше! – говорил мужчина, обрушивая на Лёню град ударов.

– За что? – жалобно вскрикивал Лёня и старался маршировать еще лучше.

– А чтобы было, как в Пруссии! – отвечал мужчина и все яростней опускал на спину и плечи Лёни длинные смоченные в воде розги,

– Слышишь, Лёня, бубенцы звенят? – с хрипом в голосе спрашивал мужчина и продолжал хлестать Лёню по плечам и спине.

Боль и абсолютное непонимание, почему он марширует против своей воли, оглушили Клюева, и он не слышал, о чем хрипел человек с розгами, не говоря уже о бубенцах, которые и вправду пели звонкую песню. Потом как по команде смолкли, и через мгновение входная дверь с треском сорвалась с петель и с грохотом рухнула на пол.

Сметая все на своем пути, в квартиру стали врывать слуги Дмитрия Сергеевича. Те самые, что были как две капли воды похожи на Чернова Ивана Ивановича, только не в золотых фетровых шляпах, а в черных, обыкновенных. Они забежали друг за другом и, как яблоки, рассыпались по комнатам. Повсюду даже в ванной комнате раздавались крики: «На пол! Лицом вниз я сказал! Держи руки так, чтобы я их видел!»

С размаху Клюева ударили прямо в глаз. Повалили на пол и, заломив руки за спину, надели наручники.

Когда вошли Дмитрий Сергеевич и Рублев, все в комнатах стояла вверх дном. Повсюду была разбросана одежда, валялись книги, журналы. Посреди гостиной, неизвестно зачем, в кучу сложили три стула и два стола, один из которых был кухонный, квадратный, другой – журнальный, прямоугольный, лакированный.

Один из слуг даже умудрился опрокинуть холодильник, так что его дверь смотрела в потолок. От царящего в квартире бардака Рублев лишился дара речи. Он видел подобное в криминальной хронике, но наяву все оказалось куда страшней и привело учителя истории в оцепенение. Наверно, все оттого, что Рублев полагал, что самая страшная вещь на свете – это педсовет!

– Это что еще такое?! – воскликнул Дмитрий Сергеевич увидев разгром.

Он был в черной как у судьи мантии, в накрахмаленном парике и почему-то в сапогах. Под левой подмышкой он держал черную папку и ярко алый как кровь альбом с вышитым золотом гербом дома Романовых. В правой руке Дмитрий Сергеевич нес золотую фигуру, изображающую правосудие.

– Иван Иванович, – позвал Дмитрий Сергеевич, и Иван Иванович явился из воздуха в золотой шляпе и черном плаще с солнечными пуговицами, собственно, в том же самом облачении, когда впервые предстал пред Рублевым.

– Да, мой господин.

– Что да! Вы полюбуйтесь, на что это похоже. Сколько можно вам говорить громить мебель для острастки – это дурость.

Все присутствующее слуги во главе с Иваном Ивановичем виновато опустили головы.

Дмитрий Сергеевич вздохнул.

– Лёня хоть живой?

Иван Иванович кивнул.

– Вот и славно. А как Павел Петрович себя чувствует, не зашибли ненароком?

– Не имеете права: я убиенный! – прохрипел Павел Петрович.

– Да больно вы нам нужны. Мы не заговорщики! И справедливости ради будет сказано: убиенный убиенному рознь! Вы лучше скажите, почто секли Лёню?

– А чтобы было, как в Пруссии!

– Да я смотрю, у вас патология, и время вас не лечит. На дворе 21 век, а вы, Павел Петрович все, – чтобы как в Пруссии, чтобы как в Пруссии. Пора с этим заканчивать, а то так и до потери рассудка не далеко. Но, а в принципе, чего нет, то и терять не страшно. Полежайте-ка обратно в альбом, милостивый государь.

– А что в России уже стало, как в Пруссии? – спросил Павел Петрович.

– Справедливости ради будет сказано, в России никогда не станет, как в Пруссии, так что давайте в альбом. И потом я вам не Теплов, и тем более, не Панин, чтобы с вами нянчиться. Поздно уже, большой! – ответил Дмитрий Сергеевич и, заполучив из рук Ивана Ивановича рубль 1796 года, спрятал монету в альбом. Павел Петрович громко захрипел и растворился в воздухе.

– Что вы сделали с Лёней? – прорезался голос у Рублева.

Егор Игоревич самолично монету отдавал, – шепнул Иван Иванович своему близнецу. Вот что значит порядочный человек.

– Не может быть! – не поверил тот.

– Как так не может, если я свидетель! – возмутился Иван Иванович.

– Но это же невероятно! – продолжал гнуть свое близнец Ивана Ивановича.

– И я про то.

– Все равно не верю!

– Я же сказал, что я тому свидетель!

– Иван Иванович, что за дебаты вы устроили, разводите костер! – попросил Дмитрий Сергеевич, приструнив обоих слуг.

– Как костер? Какой костер? – воскликнул Рублев.

– Не надо, я больше не буду! – жалобно сказал Лёня. Надо знать, что у него были довольно приятные и очень любопытные черты лица. Не надо думать, что он был чертовски очарователен и необыкновенен как, например, Иван Иванович. Дело в другом. Такие люди как Лёня без особого труда добиваются всего, чего только желают, и все оттого, что у них как будто на лице написано, что им можно верить. Да, именно так. Откуда берутся такие лица, неизвестно. Но они визитная карточка, к сожалению самых настоящих жуликов и аферистов.

– На это мы и рассчитываем, – говорил Дмитрий Сергеевич, – что, превратившись в обугленную головешку, вы больше не сможете совершать противозаконные действия.

– Я больше не буду, – снова и снова трясущимся губами повторял Лёня и в завершении всего расплакался.

– Он и вправду больше не будет! – воскликнул Рублев. – Он раскаивается, опустите его.

– Куда, в Лондон? – саркастично уточнил Иван Иванович.

– Уважаемый Егор Игоревич, одумайтесь, если вы и дальше станете прощать отпетых воров, в России ничего не останется!

Мебель, сваленная в кучу, вдруг вспыхнула ярче бензина. Языки пламени стали облизывать потолок, ясно и понятно показывая, что они проголодались и не прочь перекусить.

– Так нельзя! – говорил Рублев и по его взъерошенным волосам на голове, и отчаянно в глазах можно было сделать вывод, что его самого, а не Лёню, собираются сжечь на костре.

– Фашисты! – закричал Лёня и стал биться об пол как рыба об лед.

– Напрасно вы усугубляете свое и без того незавидное положение. Иван Иванович страсть как не любит фашистов, по причине чего кое-кого по сей день изводит газом, – сказал Дмитрий Сергеевич.

– Пускай гордится, что его, как Орлеанскую деву, – сказал Иван Иванович.

– Что я вам сделал? – закричал Лёня.

– Ты еще спрашиваешь?! Ну, паразит! – возмутился Иван Иванович. – Мой господин, можно я этому ворюге в здоровый глаз дам?

– Не надо, Иван Иванович, воровство насильем не искоренить, а вот огнем извести возможно.

– Я больше не буду! – снова стал жалобно просить Лёня.

– В этом мы не сомневаемся! Иван Иванович, приступайте.

Лёня позеленел от страха, и до конца осознав, что с ним не шутят, а на самом деле подвергнут страшной казни, лишился чувств.

– Так даже лучше, – сказал Дмитрий Сергеевич, – меньше беспокойства соседям!

– Это самосуд! – воскликнул Рублев и хотел справиться о самочувствии Лёни, но ему преградили дорогу близнецы Ивана Ивановича.

– Это что еще за выходки, пропустить Егора Игоревича! – очень строго сказал Дмитрий Сергеевич, и слуги беспрекословно подчинились.

Рублев бросился к Лёни и, склонившись над приятелем, взволновано сказал: «Он же без сознания, снимите с него наручники!»

– Милосердие – противоположная сторона благородства, – сказал Иван Иванович своему близнецу.

– Не может быть! – воскликнул близнец Ивана Ивановича и развел руки в стороны.

– Еще как может, и Егор Игоревич тому подтвержденье.

– Вы так думаете?

– Что значит, думаете, я уверен наверняка! – снова пришел в не себя Иван Иванович.

– Что вы опять сцепились! Делайте, что велел Егор Игоревич, да поскорей, – рассердился Дмитрий Сергеевич.

Иван Иванович снял наручники и спрятал их под плащом.

Под душещипательные стоны очнувшегося Лёни в квартиру вошла приятная особа в светлом чудном пальтишке.

Сидевший до этого на диване Дмитрий Сергеевич встал. Близнецы Иваны Ивановичи расступились. Рублев, склонившийся над стонущим приятелем, рассеянно поздоровался.

Кукольное фарфоровое личико искажил страх, голубые глаза заволокло пеленой и блондинка, стройная, как веточка вербы, упала в обморок. Нет, позвольте, просто уснула!

– Это радикально меняет дело! – сказал Дмитрий Сергеевич.

Лёня не видел, как вошла девушка, но слышал тяжелый удар чего-то об пол, и окончательно придя в себя, повернул голову на звук, где, как он догадался, что-то случилось.

Его знакомая, свернувшись калачиком, сладко спала, производя на свет через миленький носик прелестнейшее сопение, при звуке которого у молодого человека, не соединившего еще себя узами брака, учащенно бьется сердце, а у отцов почтенных семейств нервно дергается левый глаз и рука тянется за ножом.

– Лёня, вы любите Лену? – вдруг спросил Дмитрий Сергеевич.

– Нет! – буркнул Лёня, рассматривая подружку, с которой некогда приятно проводил время.

– Признаюсь, мне иногда больно слышать правду, и это как раз такой случай. Одно успокаивает, что, может быть, и в самом деле вы больше не станете присваивать не только чужие вещи, но и чувства.

– Не буду! – сказал Лёня и опустил голову.

– К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас Иван Иванович, затушите костер и возьмите это чудеснейшее создание, без которого жизнь мужчины была бы никчемной и унылой безделицей, и унесите домой. Да сделайте так, чтобы когда Лена проснулась и вышла на улицу вдохнуть аромат осенних листьев, она познакомилась с порядочным молодым человеком и больше никогда не тратила свои лучшие годы на таких аферистов, как Лёня!

– Протестую, – выкрикнул Лёня.

– Еще чего не хватало, – сказал Дмитрий Сергеевич, разжигая огонь негодования в зеленых глазах.

– Я больше не буду, – побелел от страха Лёня и спрятался за спиной Рублева.

– Ну, кто он, если не паразит! – сказал Иван Иванович.

– Мне стыдно за тебя, – тяжело и печально сказал Рублев и отошел в сторону.

Лёня упал на колени и стал снова кричать, что он больше не будет.

– Такие как вы неисправимы, но попробуем, – сказал Дмитрий Сергеевич и, открыв черную папку с которой пришел, стал громко читать обвинительный приговор, в котором была исчерпывающая характеристика таких людей, как Лёня.

– Ключев Леонид Олегович, для друзей и знакомых просто Лёня, из тех самых людей, которые живут одним днем. Люди подобные Лёне занимают крупные суммы, оформляют кредиты под баснословные проценты, даже не задумываясь, чем они станут расплачиваться. Они ведут праздную жизнь и им абсолютно на всех наплевать, кроме себя. Их нисколько не трогает, что о них могут подумать и чем в сердцах других они отзовутся. Когда у них спраши-

вают: « А что же завтра, когда придут и за все спросят?» Они отвечают разными словами, смысл которых в конечном итоге сводится к тому, что неприятности на них обрушатся завтра, а сегодня они на коне и море им по колено, – сказал Дмитрий Сергеевич и захлопнул папку. – Но справедливости ради будет сказано, что черное завтра для таких людей, как Лёня, порой не наступает никогда и они, ни в чем себе не отказывая, проживают счастливую жизнь и умирают не от возмездия, а от старости, с улыбкой на устах. В отличие от тех, кто каждый раз не находил себе места, когда до него долетали слухи, что кто-то шепнул о нем скверное слово, кто откладывал каждую копейку на потом, не позволяя себе ничего лишнего, и в конечном итоге умирал злым, скрючившись не столько от физической боли, сколько от душевных страданий, оттого что жизнь растворилась в заботах и хлопотах, а не в сладостных мгновеньях, которые если и были, то раз-два и обчелся. Но так бывает не всегда! Иван Иванович, отправьте, пожалуйста, Лёню на острова, к людоедам, пускай они приготовят из него сочный бифштекс.

Лёню, продолжавшего кричать, что он так больше не будет, подхватили на руки и куда-то унесли, и нельзя исключать, что людоеды не принялись накрывать на стол. Соседи, сбежавшиеся на крики, потребовали объяснений: кто они такие, что взяли и утащили Клюева в неизвестном направлении. Иван Иванович попросил тишины и растолковал, что они избавляют общество от паразитов, и раздал всем свою визитную карточку, где четко и ясно было написано:

Чернов Иван Иванович – Почетный дезинфектор.

Все соседи со словами, что у них паразитов нет, разбежались по своим квартирам, наказав домашним что, мол, если кто будет стучать, не открывайте. Это «эпидемстанция» травит паразитов. Навоняют и уйдут, а тараканы как были, так и останутся.

Квартиру в одну секунду привели в порядок, так что все сверкало и блестело лучше прежнего. Уже перед самым уходом Ивана Иванович произвел ревизию холодильника и, как вы сами понимаете, остался этим очень доволен. Он спрятал под плащом банку с черной икрой и осетрину. Кто его знает, что их ждет впереди?!

А раки с пожеланиями, чтобы их в Дону было столько же много, как раньше, были отпущены на свободу, но раков перехватили на набережной владельцы кафе и ресторанов. Раки не донесли до собратьев наказ Ивана Ивановича, сложив свои хвосты в угоду чрезмерному аппетиту отдыхающих.

Выйдя на улицу, Дмитрий Сергеевич отметил, что погода изменилась к лучшему, ветер разогнал по сторонам дождевые черные тучи и на город пролился теплый яркий солнечный свет.

Рублев уселся в коляску. Перемена погоды ему не помогла. Учитель истории был очень опечален тем, что случилось с Лёней. Лицо его было серым, и горестная дума о дальнейшей судьбе приятеля застряла в голубых глазах.

– Пожелайте, и все станет по-другому, – сказал Дмитрий Сергеевич, который больше всего на свете не переносил хандру.

– Я бы попросил переделать Лёню, но боюсь, что даже вам это не под силу.

– Вы правы.

– Поэтому я ничего не стану просить. Пусть дальнейшее зависит от него самого.

– Мудрое решение, – сказал Дмитрий Сергеевич и у него, откуда ни возьмись, в руках объявилась тонкая ореховая трость и он, коснувшись ею слуги, попросил:

– Пусть скорость разгонит хандру или, по-современному, депрессию. Названия меняются, смысл – никогда!

Коляска сорвалась с места и под резвое ржание и звон бубенцов понеслась по улицам города быстрее ветра.

Мантия исчезла, и на Дмитрие Сергеевиче оказался черный костюм из какого-то сукна. Брюки как будто были обыкновенные, а вот пиджак – необычный. Он был узок и по длине самую малость не доставал до колена. Пуговицы располагались до пояса, сзади пиджак имел разрез. Сегодня в таком стиле выполняют не пиджаки, а пальто, и это считается очень модным.

Парик куда-то улетел и тут же на его месте из воздуха объявился самый настоящий черный цилиндр. Вместо сапог на ногах засияли лакированные зеленые туфли под свет сверкающих изумрудных глаз.

Рублев ахнул.

– Привыкайте, Егор Игоревич, привыкайте.

Учитель истории в ответ улыбнулся и снял очки, чтобы насладиться скоростью, которая все ближе и ближе приближала его к таким заманчивым и невероятным приключениям.

– Какой русский не любит быстрой езды?! – крикнул слуга.

– Николай Васильевич умный человек – сказал Дмитрий Сергеевич. – Но справедливости ради добавлю: Какой человек не любит приключения?! А, Егор Игоревич?

Глава пятая. Допрос с гастрономическим и политическим пристрастием.

Дивный по своей красоте остров, как оазис дарующий благодать в пустыне, располагался посередине Тихого океана, словно точка на огромном листке бумаги и был бы раем на земле, если бы не одно но!

– Изверги проклятые, чтобы вы все окоchureлись! Режь, все равно не скажу! Ну что, что ты смотришь на меня рожа людоедская? Сволочи, почему вы меня не застрелите?! Повесьте меня, закапайте живьем, есть- то зачем?! Я свинкой болел! Чтобы вы мной подавились, гады размалеванные! – кричал Лёня и рыдал навзрыд, пытаясь горькими слезами заглушить разгорающийся костер. Лёня, абсолютно голый, подвешенный за руки и за ноги на огромную кость, висел на берегу голубой лагуны, где любой пожелал бы жить и умереть, но только не Лёня и только не такой жуткой смертью.

Кость, служившая вертелом, как была уже сказано выше, была гигантской. Что значит гигантской? А то, что если очень постараться, на нее можно было бы подвесить с десятков таких ненадежных граждан как Лёня и еще бы место осталось.

Раскрашенные под хохлому людоеды, облизываясь и пуская длинные слюни с надпиленных для удобства зубов, обдували почетного дезинфектора широкими косовыми листьями. Иван Иванович сидел поодаль от импровизированной кухни на табуретке из косовых орехов за огромным черным камнем неизвестного происхождения. Людоеды с нетерпением ждали, пока Лёня начнет покрываться хрустящей запашистой корочкой, задолго до готовности разделив его между собой. Щеки с пухлыми губами и растопыренные ноздри дикарей были проколоты какой-то дрянью, похожей на побеги бамбука.

– Говори паразит, иначе прикажу, чтобы съели живьем! – сердито сказал Иван Иванович.

– Нет, сначала отпустите!

– Куда, Лёня? Кругом же вода, а ты плавать не умеешь!

– Пожалуйста, я научусь.

– А как же людоеды? Они же вымирающий вид, не покорми их и они все, как один, вымрут. Потом с зелеными разбирайся!

Между тем костер разгорелся, и языки пламени, словно дикие осы, стали жалить несостоявшегося олигарха.

– Я все скажу! – закричал Лёня, и, выгибая спину и крутя ритмично плечами, стал торопливо рассказывать, что почем:

– Коронационный рубль Александра III я продал Мишке за триста.

– Долларов? – перебил Иван Иванович.

– Нет, рублей! – истерически выкрикнул Лёня и стал нервно хохотать, постепенно теряя от жара рассудок.

– Значит, все-таки, долларов, – определился Иван Иванович и окунул кончик разноцветного пера диковиной птицы в чернильницу в виде обглоданного людоедами черепа. Размешал содержимое черепушки, достал перо и стал аккуратно выводить красивые буквы на большом белом листе.

Иван Иванович написал, что следовало и, посмотрев в сторону костра, убавил жар, словно это была газовая печка, а он слегка прикрутил вентиль.

Дикари взорвались, охваченные бурей возмущения.

– Признаю, по отношению к вам, несправедливо, но и меня можно понять. Сжарится Лёня раньше времени, что тогда делать?

– Есть! – хором прокричали людоеды на родном языке.

– Логично! – сказал Иван Иванович. Но господа, я, взываю к вашей совести.

Людоеды переглянулись.

– Зажарится, позову. Вы что мне не доверяете?

Людоеды закивали.

– Невозможно работать! – вздохнул Иван Иванович. Ну, хотите, я дам вам в залог Ленин окорок.

Людоеды облизнулись.

– Без окорока ничего не скажу! – закричал Лёня.

– Вот видите с кем приходится работать! Вы хоть будьте благоразумны.

Людоеды чинно поднялись с песка, поклонялись и удались в непроходимые джунгли.

– Вот видишь Лёня, даже с людоедами можно договориться.

Иван Иванович усмотрев, что Лёня расслабился, даже заимел в глазах что-то наподобие смелости, подул в сторону костра, и информация полилась как вода из перевернутого ведра.

– Мишка живет где-то на улице Чкалова, – рассказывал Лёня все, что знал, как на духу. – Рубль Александра II я продал за пятьсот!

– Почему так дорого? Иза Лялина? – поинтересовался Иван Иванович.

– Портрет ни причем!

– Если не иза Лялина, тогда почему?

– Потому что умные все стали и у каждого каталог, – отвечал Лёня с черной от дыма спиной.

– Краузе?

– И он в том числе, и во всех цены рознятся!

– Тогда скажи, откуда у людей такие деньги? Ладно, Михаил Константинович – у него отец депутат.

– Да откуда, что все давно уже толком не собирают, а перепродают друг другу в три дорого, или в Москву возят. Если связи есть, такие деньжищи можно заработать, что не поверите!

– И Егор Игоревич возит?

– Нет, этот старой закваски, как Кощей над своими монетами чахнет!

– Ладно, продолжим. Так ты говоришь, Александра II – за пятьсот?

– Да, за пятьсот, Кольке аферисту.

– Это тот, что иностранных граждан дурит?

– Да! В том году сволочь увел у меня немца!

– Прямо-таки и немца?

– Фашиста! – проревел Лёня.

– Лёня, нельзя всех немцев фашистами называть. Берлускони сказал, так на него обиделись, и он прощение просил. Ладно, кто у нас следующий?

- Николай I! Я его свадебный рубль за тысячу москвичу продал.
- Москвич это прозвище, или место жительство?
- Жжет, ой как жжет! – стал кричать Лёня.
- Леонид Олегович, не уходите от ответа.
- Не скажу!
- Имя хоть москвича известно?
- Не скажу!
- Значит так и запишем: ни фамилии, ни имени, ни точного адреса не знает.

И не паразит ты после этого, Лёня Клюев. Это же надо, так низко пасть, чтобы неизвестно кому краденое имущество продавать.

- Так все делают! – злобно крикнул Лёня в оправдание.
- Справедливо, но не будем отвлекаться.
- Александра I пробный оттиск в серебре в размере рубля продал французу за две тысячи.
- Французу?! – яростно воскликнул Иван Иванович, и вскочил и закричал:
- Ты что наделал, сукин сын! Александра Благословенного во главе с народом и Кутузовым, одолевшим Наполеона, за две тысячи французам продал. Да я тебя, паразита, за такие дела на пару с кое с кем газами изведу.

От страха или может оттого, что у почетного дезинфектора слова не расходились с делом, Лёня закричал не своим голосом:

– Пожалуйста, не надо, я все скажу! Александра I я продал за две половиной тысячи, а не за две.

– Это в корне меняет дело! – сказал Иван Иванович и сел обратно на табуретку из коков. – Неужели и вправду французу?

– Ни какой он не француз, это такое прозвище.

– Предупреждать надо, а то я по горячности и зашибить могу. Как француза, говоришь, зовут?

– Саня его зовут, живет на улице Пушкина, где не знаю.

– Приметы?

Лёня заржал как конь:

– Бакенбарды!

– Шути, шути, вот вернутся людоеды, потом посмотрим, кто смеяться будет.

Лёня проглотил смех и стал рассказывать: « Маленький, как вы, Иван Иванович».

– Ну-ну, попрошу без оскорблений.

– Я же так только, для сравнения, чтобы было ясней.

– Хорошо, продолжай.

– Курносый.

Иван Иванович побагровел и сжал кулаки.

– Но с усиками!

Иван Иванович провел у себя под носом пальцами и, не отыскав усиков, успокоился.

– Пугачевский рубль, – продолжил рассказывать Лёня, – я отдал под реализацию Витьке, потому что монетка дорогая, а он имеет связи.

– Пугачевский рубль это, стало быть, Екатерины II.

– Да. Он был выпущен 1771 году и совпадает с восстанием Емельяна Пугачева, поэтому и называется у нумизматов Пугачевским рублем.

– Да помню, жуткая история. И до Пугачева серебрянник добрался.

– Какой серебрянник? – удивился Лёня.

– Не твоего ума дело! Будешь нос совать, куда не следует, я тебя как Пугачева в клетку посажу.

– Я просто спросил, а вы сразу – в клетку.

– А я просто и посажу, чтобы не спрашивал!

Лёня закрыл глаза и заплакал. Он плакал не оттого, что языки пламени облизывали его спину, не от боли блуждающей по всему телу. Клюев плакал, оттого что осознал свою вину перед Леной, перед Рублевым и еще десятком людей, о которых история умалчивает. Ему не было жалко себя, он до боли в сердце пожалел упущенную возможность прожить, пускай хоть и скромную, но честную долгую жизнь.

Иван Иванович пришел бы в бешенство и наверняка посадил бы Лёню в клетку, если бы слезы, которые Леня ронял в костер, были притворством, а не следствием истинного раскаянья. На небе сгустились тучи, и на остров дивной красоты упала тень.

Иван Иванович с недовольством посмотрел в небеса.

– Вот прямо сейчас возьму и отпущу! Шанс на обретение счастья дам, но просто так отпускать – несправедливо! Пусть знает, что почему и как они, эти рубли, простым гражданам достаются!

Небо разъяснилось, и остров дивной красоты утонул в ярком солнечном свете.

– Продолжим, – сказал Иван Иванович, и дунул в сторону костра. Огонь испарился бесследно и Лёня, успокоившись, продолжил рассказывать, кому какой достался рубль.

– Петра III я продал за пятьсот Гришке, он в центре квартиру снимает.

– Где?

– Хоть убейте, не знаю!

– Убью, с меня не убудет.

– Слышал из разговора, что на улице Соборной.

– Какого разговора? Кого с кем?

– А это еще зачем?

– Тут вопросы я задаю!

– Да Лешка трепался с каким-то проходимцем.

– Лешка- это Скотников Алексей Константинович, что врачом на скорой помощи работает?

– Да.

– Лёня, а ты случайно Алексею Константиновичу ничего из награбленного добра не продавал?

– Почему сразу с награбленного! Мы поменялись, а потом, конечно, я их свистнул, но никого я не грабил.

– Отвечай по существу, продавал или не продавал?

– Продавал.

– А, вот видишь! – воскликнул Иван Иванович и вскочил на ноги. – А ты еще спрашивал зачем. Малозначительная деталь, а куда привела. В допросе все важно, каждое слово, каждый звук!

– Я бы сам про Лешку рассказал!

– Ты бы может, и рассказал. В твоём то положении. А другой бы утаил. Так я бы потом прижал того, о ком он обмолвился, и весь бы клубок распутал. Понял, щегол не стреляный!

– Понял.

– То-то. Так что ты, говоришь, продал Скотникову Алексею Константиновичу.

– Ливонез!

– Это что еще за индюк надутый?

– Про индюка в самую точку. Эта монета выпускалась для прибалтийских провинций.

– Остуда поподробней.

– 96 копеек Елизаветы Петровны за тысячу ушли, только их и видели.

– Стоп! Какие еще такие 96 копеек? Ты случаем на солнце не перегрелся, а то давай я людоедов позову, они тебя будут кокосовыми листьями обмахивать, как шашлык.

– Не надо людоедов. Откуда я знаю, почему у вас там 96 копеек оказались. Коллекция ведь ваша, не моя!

– Иван Иванович задумался, снял шляпу, почесал пером макушку, одел обратно на голову свой головной убор и сказал: – Коллекция, как жизнь, таит в себе сюрпризы!

– Наверно.

– Что значит, наверно?

– Значит, я полностью согласен!

– Так-то лучше. А теперь скажи мне, Лёня, откуда у врача скорой помощи тысяча долларов, чтобы за монету платить?!

– Как будто вы не знаете?

– Я-то знаю, но неужели этот паразит продолжает на старушках заколачивать?!

– Да, и вполне успешно. Сделал укол, какой-нибудь Клавдии Петровне, ампулу пустую для отчета положил в портфель, а пятьдесят рублей в карман и дело в шляпе.

– Ладно, продолжим, я с этим супчиком после разберусь!

– Я больше так не могу, чувствую, скоро руки, оторвутся, – жалобно простонал Лёня, что было вполне естественно. Кто угодно выбьется из сил, если ему связать пальмовой корой руки с ногами, затем продеть через них черт знает какую кость и повесить загорать на солнышко.

Иван Иванович хлопнул в ладоши, и Лёня с черной от дыма спиной, в чем мать родила, прикрываясь руками, как футболист приготовившийся отражать удар по своим воротам или, как призывник на призывной комиссии, стоял перед гражданином мира.

– Так ты будешь говорить, паразит, или людоедов звать? – сердито закричал Иван Иванович.

– Ну, зачем вы так, я все скажу, – тихо сказал Лёня, в прошлом розовощекий неунывающий парень с пивным животиком, а нынче осунувшийся мужик с синяком под глазом, опаленными кудрями и поседевшими висками, сбросивший за пару часов пять килограммов.

Хотите похудеть? Не знаете как? Сделайте подлость! Чернов Иван Иванович – почетный дезинфектор принимает круглосуточно без выходных и перерыва на обед. Сто процентная перемена внешности за пару часов.

– Прости, Леонид Олегович. Вредители довели! – сказал Иван Иванович, и как дознаватель, у которого за плечами не одна сотня признаний, выбитых с помощью международного языка кнута и пряника, вежливо попросил продолжать.

– Рубль Анны Ивановны 1734 года, где императрица с брошью на груди.

– Прямо-таки с брошью?

– Да. Круглая такая брошка, похожа чем-то на цветочек.

– Достаточно. Кому сбыл краденое?

– Лелику и Болеку за пятьсот.

– Кто такие?

– Славные парни, никого не обижают. Они скупают все, начиная от фарфора и заканчивая медалями и орденами на улицы Станиславского.

– Это не там ли, где малоимущие граждане продают свои пожитки?

– Да. Кто антиквариатом занимается, часто в том месте вертится. Там, если повезет, можно интересную вещь задаром заполучить.

– Проверим.

– Рубль Петра II 1728 года продал за четыреста Матфею Петровичу. В слове Петр допущена ошибка, написано Перть.

– Прямо так и написано, или сам выдумал, паразит, чтобы больше денег заработать?

– Ничего я не выдумывал. И не такое еще бывает!

– Я самолично проверю, если солгал, пеняй на себя!

– А если нет?

– Тогда будем искать, какой вредитель подложил такую свинью внуку Петра Великого. Лёня обомлел.

– А как ты хотел? Не на этом, так на том свете найдем и спросим, чтобы другим неповадно было. Теперь по существу. Кто такой покупатель?

– Еврей!

– Лёня, что Матфей Петрович – еврей, ясно как божий день. Ты мне скажи, чем живет нареченный в честь апостола? Неужели в налоговой инспекции трудится, а может рыбку ловит?

– Это ещё почему? Ни какой он не инспектор и не рыбак.

– Эх, Лёня, Лёня чему вас только в школах учат?

– Всему понемногу.

– И в целом – ничему!

– Зачем вы так, у меня хорошая школа была, я два иностранных языка знаю. Английский и немецкий.

– Чем занимается, я тебя спрашиваю, недоросль ты этакий!

– Почему сразу недоросль, я в институте учился!

– Ты главного не знаешь! Ели бы ты не знал этого по причине дурости, я бы тебя людоедам скормил, но так как ты не знаешь, потому что никто тебя не научил, отвечай, что спрашивают. Понял?

– Понял.

– Ты посмотри, какой понятливый, когда до людоедов дело доходит. Может, мне их позвать?

– Не надо. У Матфея Петровича кадровое агентство в центре, где – я не знаю.

– Точно – не знаешь, или в партизан, решил поиграть? Предупреждаю! Я у фашистов. Как бы я их всех душил бы, душил бы, душил бы, – сказал яростно Иван Иванович и сломал второе перо. – Слова не мои, а Шарикова, сорвавшиеся с его уст по велению Михаила Афанасьевича, но зато как подходят. И пусть этот паразит- начальник очистки, употребил их в адрес кошек, кстати, самых милых существ на свете, после дельфинов и акул. Заруби себе на носу, Лёня, слова гения не должны пылиться на полке, они должны жить! И потом воруют только по-настоящему хорошие вещи. Ерунды своей у всех выше крыши. И каким надо быть дураком, чтобы дрянь воровать. А теперь вернемся к приемам тех, кого я на дух не переношу.

– Я, правда, не знаю.

– Верю. А теперь скажи мне, Лёня, неужели – это такое прибыльное дело в 21 веке – кадровое агентства, чтобы потомки Моисея на него свой глаз положили?

– Нормальное. Безработных валом! Пришел, какой-нибудь Чернов Иван Иванович.

– Лёня, не забывайся, людоеды не дремлют!

– Извините! Пришел какой-нибудь Сидоров.

– Так-то лучше.

– Заплатил триста, а то и четыреста рублей.

– И что дальше?

– А ничего! Ему дают адреса, и он по ним, как баран ходит. Пока Сидоров пороги обивает, истекает договор с кадровым агентством.

Иван Иванович улыбнулся:

– И ему предлагают продлить договор?

– Да! И так снова, и снова.

– Ай да Соломон! Голова! За сорок лет скитаний по пустыне из всего, что только можно, научил свой народ добывать средства к существованию.

Продолжим!

– Траурный рубль Екатерины I 1725 года продал за полторы тысячи Степану из Старочеркаска. Спросите, его там все знают.

– Почему рубль траурным величают, ведаешь?

– Знаю, это мой хлеб. По случаю смерти Петра Великого.

– Правильно. Хоть ты и паразит, но надо отдать тебе должное, историю знаешь. Не все конечно, а только то, что положено, но и то недурно. Ну и последний рублик Петра Великого, где искать?

– В Азове! Я последнюю монету, которую взял...

– Нет! Ты не взял, – рассердился Иван Иванович. – Ты украл, присвоил, стибрил, свистнул, стянул, но только не взял!

– Хорошо, украл.

– Так-то лучше. Продолжай.

– Я продал за восемь тысяч Женьке, он возле музея постоянно вертится.

– Это в котором мамонт?

– Да.

– А почему так дорого – за восемь тысяч?

– Потому что очень редкий рубль: на реверсе отсутствует обозначение.

– Ну, смотри у меня, проверю, – грозно сказал Иван Иванович и угрожающе прошептал:

– Вот и все. Пока – все!

– Да, пожалуйста, – сказал Лёня с молодецкой бравадой в голосе.

– Не забывайся, Лёня. Людоеды не дремлют!

Лёня опустил голову.

– Ну, а вообще ты, молодец!

– Правда? – обрадовался Лёня.

– Еще чего! Я имел виду, что ты у нас не то, что у Федора Михайловича студент недоучка. Тот вон, в убивцы подался, и что заработал? Шиш с маслом и угрызение совести! А ты, – сказал Иван Иванович и стал изучать показания. – Пятнадцать тысяч семьсот долларов и это без учета Пугачевского рубля, что ушел на реализацию Виктору, который проживает по адресу, – сказал Иван Иванович и нахмурился.

Лёня побледнел, расценив паузу за нехороший знак.

Иван Иванович еще раз что-то проверил и поднял свои, чернее беспросветной мглы глаза на Лёню, который без запинки в них прочел, что сейчас его станут больно бить. После чего позовут людоедов.

– Я все сказал! – испуганно пробормотал Лёня.

– Адрес Виктора, почему утаил? Признавайся, задумал побег учинить и потребовать с подельника долю?

– Он в Батайске живет, в частном доме, но адреса я не знаю!

– Приметы?

– Цыган он! – сказал Лёня.

– Так бы сразу!

– Я сперва не сказал, потому что вы про клетку стали стращать, и я все забыл.

– Про клетку, говоришь?!

– Да, про клетку, в которой Пугачева в Москву везли.

– Врешь ты все, я такого говорить не мог. Ты сам подумай, сколько времени прошло, где я тебе эту клетку достану? Ну, раз ты так хочешь, я могу постараться. Так стараться мне или нет! – закричал Иван Иванович.

– Не надо!

– Ну и на том, спасибо, – сказал Иван Иванович, встал на ноги и достал из-под плаща кинжал с золотой рукоятью, на которой играли ярким блеском драгоценные камни удивительной, редкой красоты.

Лёня вздрогнул и хотел сделать то, что делают все жулики и аферисты в час животного страха, позвать на помощь маму, но Иван Иванович опередил его мысли сердито закричав:

– Не тревожь Нину Степановну, эту святую женщину, которая всю жизнь разводила попугаев и перед смертью всех до одного выпустила на волю, за что теперь кормит в раю голубей.

Потрясенный новостью о маме, скончавшейся несколько лет назад, Лёня онемел.

– Радуйся, если бы не Нина Степановна, я бы тебя сразу людоедам скормил!

– Я горжусь, – вдруг громко и смело сказал Лёня прямо в глаза Ивану Ивановичу и тот на секунду опешил, что было делом невиданным.

Иван Иванович сел на табуретку, отложил в сторону кинжал, внимательно посмотрел на Лёню, который с высоко поднятой головой прожигал его бесстрашным взглядом и спросил:

– Может и вправду, Лёня Клюев, в твоём прогнившем сердце есть место чему-то хорошему, раз за тебя заступался Егор Игоревич?

– Не знаю, – ответил Лёня и пожал плечами.

«Значит, есть!» – радостно подумал Иван Иванович. Что было бы с Лёней Клюевым, если бы он ответил определенно излишне.

Иван Иванович взял кинжал, схватил Лёню за левую руку и бесцеремонно проколол ему указательный палец.

– Здесь и здесь, – сказал Иван Иванович, объяснив, Лёне, где нужно расписаться.

Лёня выполнил, все что требовалось, поставив автограф под словами: «С моих слов записано верно и мною прочитано».

Иван Иванович спрятал под плащом чистосердечное признание Лёни и достал оттуда кусок осетрины и книгу средних размеров.

Лёня проглотил слюну, так как есть хотел страшно.

– Э нет, Лёня, это для отпугивания людоедов, – сказал Иван Иванович и погасил в карих глазах Лёни надежду утолить голод. – Съешь балык и тебя слопают людоеды, не съешь, они тебя все равно слопают! – сказал Иван Иванович и залился веселым смехом.

Лёня обиделся.

– Шучу. Теперь главное. Лучший подарок на свете – книга! Кто сказал, не знаю, но главное, что верно сказал. Дарю я тебе самоучитель по выживанию, называется «Робинзон Крузо». Чтобы ты, паразит, ее от корки до корки прочитал и выучил наизусть то место, где гражданин Робинзон делал лодку. И сразу предупреждаю, до дома доплыть не мечтай.

– Почему?

– Потому что далеко!

– Очень?

– Так далеко, что отсюда не видно!

– Тогда зачем обнадеживать?

– Чтобы от скуки не умер.

– Вы самый настоящий черт, Иван Иванович.

– Конечно! Причем, такого как я еще поискать надо. Только мне и больше никому доверил господин особо важное поручение. Какое поручение, тебе знать не положено. Понял? Если не понял, забери рыбу!

– Я даже не спрашивал, а вы сразу: рыбу забери.

Лучше предотвратить в один миг, чем потом всю жизнь исправлять!

Понял?

– Да.

– А теперь слушай внимательно. В 1453 году, скитаясь в океане со своими верными помощниками – дельфинами, я стал свидетелем кораблекрушения. Что я искал в бескрайних водных просторах, тебе знать, не положено. Ветер ревел, как дикий зверь, загнанный в угол перед последним броском. Волны величиною с гималайские горы обрушивались на все живое на своем пути. Мне все нипочем. Со мной дельфины! Не то, что кораблю, мачта которого сломалась пополам и, подхваченная ветром, улетела в неизвестном направлении. Корабль утонул. Погибли все, и только каким-то чудом уцелела прекрасная молодая девушка с бездонными зелеными глазами, белой, как снег, кожей и черными, как смоль, волосами длиной до пояса.

– И что дальше?

– И дальше вот что. Мои верные помощники – дельфины подхватили прекраснейшее из чудес на свете и доставили, как я велел, на волшебный чарующий остров недалеко от этого. Так что у тебя, Лёня, есть все шансы обрести свое счастье.

Лёня засиял и в карих глазах забрезжил рассвет новой жизни, но ненадолго.

– Иван Иванович, вы что издеваетесь? – сказал Лёня и обиженно опустил глаза, в которых надежда на обретение новой жизни стала тонуть в горьких слезах.

– Ты от счастья или еще отчего?

– Еще отчего.

– Неужели ты мне, Чернову Ивану Ивановичу, не веришь? Я никогда не вру, только приукрашиваю, чтобы было интересней.

– Говорите в 1453 году? – сказал Лёня, утирая слезы.

– Да, так и есть.

– А сейчас какой?

– Сейчас 21 век.

– И я о том же.

Иван Иванович рассмеялся. – Дурья ты башка, надо до конца слушать, а не пороть горячку. У каждого настоящего автора, запомни, Лёня, только у настоящего автора, а не у писака, зря протирающего штаны, всегда в запасе припасено такое, что переворачивает все верх дном и открывает у читателя новое дыхание. Понял?

– Понял.

– Тогда приготовься узнать, что все гениальное просто. Я, чтобы скрасить одиночество прекраснейшему созданию на земле, отправил к ней тогда такого же, как ты паразита.

– Почему сразу паразита, неужели никого не было лучше.

– Лёня, ну какая же ты все-таки недоросль, хоть и в институте учился! Самые прекрасные создания на свете, стало быть, женщины, по-настоящему, именно взаправду, а не из жалости и корысти любят таких как ты, Лёня, потому что с вами, паразитами, интересней! Вы как никто другой умеете кружить голову и признаваться в любви. Подлец всегда ярче и изобретательней порядочного, потому что его натура позволяет совершать безрассудные поступки, которые, ой как, любят женщины. И главное то, что мерзавец никогда не принадлежит женщине. Он, паразит эдакий, принадлежит Чернову Ивану Ивановичу, который в конечном итоге за его проделки задаст такую баню, что ему места бывает мало. Ну что ты улыбаешься, что ты улыбаешься, Лёня Клюев? Жизнь твоя – палка о двух концах: на одном – хорошо, на другом – худо. Женщины любят паразитов, но замуж выходят и рожают детей от честных граждан, потому что женское сердце понимает, ой как понимает, что время уходит и нужно думать о будущем, думать о детях. А вы, паразиты, «поматросили» и бросили, «поматросили» и бросили. Понял?

– Понял.

– Делай выводы: ты молодой, а молодым никогда не поздно поменять свою судьбу. Заявить о себе! Бросить вызов! Сломать стереотипы! Доказать, что молодо – не зелено, а очень даже может быть кучеряво. Понял?

– Понял.

– Раз понял, слушай дальше. Родилась у них дочь красавица. Я к ним отправил зятя паразита на перевоспитание и так далее, и тому подобное. Прошли годы, столетия, и сейчас там одна единешенька страдает красавица, перед красотой которой солнце меркнет, луна чернеет. Людоеды не дремлют, остров сто километров отсюда, акулы покажут дорогу. Прости, если что не так. Кто помянет плохое, тому глаз вон! – сказал Иван Иванович и растворился в воздухе, оставив Лёню в полной растерянности.

В темных зарослях острова засветились глаза, раздались шорохи и душу леденящие звуки. Лёня схватил с камня оставленную ему осетрину и книгу.

Прикрываясь рыбой и высоко держа над головой книгу, словно факел, который освещает дорогу заблудившемуся в ночи страннику, Лёня на цыпочках стал пробираться вдоль берега в поиске кокосовых пальм, поваленных штормом.

Глава шестая. Аистов и Бабров

Слуга что было сил потянул на себя вожжи, и Рублев аж подпрыгнул.

– Иван Иванович, в следующий раз предупреждайте, чтобы Егор Игоревич ненароком не ушибся.

– Слушаюсь, мой господин.

– Егор Игоревич, вы не ушиблись.

– Все хорошо, мне даже понравилось!

– Вот и славно. Как ваша хандра?

– Как рукой сняло!

– Приятно это слышать.

Рублев не узнал место остановки, осматривая незнакомую улицу, где гулял только ветер между ветхих двухэтажных домов и не было не одной живой души, и обрывки бумаги бегали за листьями по тротуару.

– Отчет о проделанной работе на островах? – сказал слуга и протянул своему господину лист бумаги, свернутый в трубочку.

– А почему Иван Иванович не доставил лично? – спросил Дмитрий Сергеевич.

– А черт его знает!

– Я поэтому вас и спрашиваю.

– Может, пишет!

– Будем надеяться.

Рублев удивился.

– Что такое, Егор Игоревич?

– Разве наш извозчик не Иван Иванович?

– Конечно, Иван Иванович, кто же еще!

– Тогда, что значили ваши слова?

– Егор Игоревич, вы опять не возьмете в толк элементарные вещи.

– Нет, не возьму, потому что они на ваш взгляд элементарные, а, на мой взгляд, необыкновенные.

– Привыкайте, уважаемый, привыкайте.

– Ну, а если я привыкну, что станет потом?

– Замечательный вопрос! Но неуместный, в данном случае.

– Почему?

– Всею виной Иван Иванович. Он всегда умеет сделать из ничего целую историю! Он мне служит две тысячи лет и не перестает меня удивлять. И вот с этим обменом такое учудил, что в самую пору братья за перо. Вы знаете, из Ивана Ивановича выйдет толк, он старается. Из моих двенадцати учеников он – самый способный. Справедливости ради сказать, я только с ним и занимаюсь. У него истинный талант! Только он, правда, еще в зародыше, но это не беда. Талант разовьется, я уверен в этом, как в самом себе. Вот и сейчас он где-нибудь наверняка пишет. Истинный писатель ни может ни писать. Все его нутро завет к перу. Лишения и преграды только еще больше пробуждают в нем желание писать. Полнейшие невежество и незнание тонкой писательской природы служило во все времена авторам во благо. Власть, запирая писателей в застенки, ссылая их в ссылки, устраивая на них травлю и подвергая глумлению их творчество, еще больше разжигало желание писать, бороться с тиранией с помощью пера. Жгучая боль, обида, душевные неизгладимые раны делают из талантливого писателя гения и ничего другого. Нервные перегрузки колоссальных масштабов в прямом и в переносном смысле возносят писателя на небеса! За яркие выдающиеся произведения гении расплачиваются своей жизнью и только ею. Творчество, в котором нет частички автора, пустое и еще раз пустое! Оно

не дышит, а, значит, и не живет. Герой, созданный писакой, умирает вместе с ним, а герой писателя живет после его смерти.

Рублев задумался. Слова Дмитрия Сергеевича заставили размышлять и снова, и снова прокручивать в голове авторов, которые отдали своему герою всего себя без остатка, чтобы только он жил вечно. Чичиков и неутомимый затейник кот Бегемот крутились на уме у Рублева, и он улыбнулся.

– Да, Егор Игоревич, Николай Васильевич и Михаил Афанасьевич – наглядное подтверждение моим словам. Эти два творца, каждый в свое время, перевернули литературный мир, порушили многолетние устои и будут актуальны всегда благодаря своему дерзкому гению, который тонко чувствовал грани человеческой души и мог показать всю ее красоту и мерзость!

– Вы, безусловно, правы, но скажите, где мы? Я не узнаю это место.

– Егор Егорович, милейший вы мой человек, прислушайтесь.

Рублев напряг слух. Смех и музыка, словно волна, накрыла его всего с головой, так что он закрыл уши ладонями, вжав себя плечи.

– Узнали?

– Набережная? – закричал Рублев, абсолютно себя не слыша.

– Угадали, но не совсем. Мы на подступах к Центральному рынку. В одном из многочисленных переулков. Прежде в самом богатом и знатном районе города, а ныне в темных трущобах. Конечно, не в гетто, но вид очень прискорбный. Мрак и отчаянье здесь слились воедино!

– Где? – продолжил кричать Рублев.

– Ну, зачем так кричать, вы не на пожаре, а в самом сердце города!

Рублев огляделся. Желтые грязные здания, обвалившаяся штукатурка, кучи мусора.

– Неужели вы не узнаете своего города? Ростов – уникальный город. В нем вся Россия! Яркие зеркальные центральные улицы, не ведающие, что такое тьма ночью, и целые кварталы самых настоящих трущоб, в которых ни днем, ни ночью, не гостит лучик света. Сотни самых дорогих автомобилей со всего света и всего с десятков специализированных дорожек для инвалидов. Торговые выставочные павильоны, в которых ничего не стоит заблудиться и грязные и жестяные ларьки на автобусных остановках. Бог делал Россию с завязанными глазами. Он отрезал безразмерные куски и ставил на них разноцветные жирные кляксы! Вы согласны?

Рублев подумал и согласился.

– Вы правы, Егор Игоревич, что мне, как никому, видней, потому что это я Ему завязывал глаза.

Откуда ни возьмись, появился Иван Иванович.

– Ну, наконец-то, а то мы уже заждались, а без вас я не хотел читать отчет, – воскликнул Дмитрий Сергеевич и взялся за свиток, прибывший с островов. Он быстро с ним ознакомился, признав, что Лёня – талант, каких надо еще поискать. Потом показания изучал Рублев и диву давался, как Лёня смог продать все за такой короткий срок и откуда, собственно, у людей такие деньги? Еще, конечно, он для себя подчеркнул, что коллекция и, правда, необыкновенная.

«Чего только один Пугачевский рубль стоит, который я ни когда в глаза не видел!» – подумал он и вернул обратно свиток Дмитрию Сергеевичу.

– Предлагаю разделить, чтобы как можно быстрее вернуть на прежнее место императоров и императриц, – сказал тот и улыбнулся Ивану Ивановичу.

– Я займусь отъявленными паразитами! – радостно сказал Иван Иванович и тоже улыбнулся.

– Вот и славно. С кого думаете начать?

– С негодяя врача!

– Есть план?

– Не то чтобы план, мой господин... В 1660 году путешествуя по Европе, я спас одну прелестную ведьму от костра инквизиции.

– Как интересно, почему я об этом ничего не знал?

– У нас была тайная связь, и мы не хотели огласки.

– Да вы, оказывается, ко всему придачу еще и Казанова! Не ожидал, не ожидал, удивили, так удивили!

– Стараюсь, мой господин.

– Славно стараетесь. Вон, что с рублями учудили. Но черт с ними, что, безусловно, истинная правда. Ну, и как же зовут эту прелестницу, что вскружила голову моему лучшему ученику?

– Её зовут Матильда, мой господин.

– Матильда?! – удивился Дмитрий Сергеевич и, нахмурившись, спросил: – А не больно ли легкого поведения ваша возлюбленная, что ее зовут Матильда? При Людовике Восьмом, короле – солнце, имя Матильда отдавало вкусом доступной любви.

– Как вы только могли такое подумать?! Матильда – непорочна как дева Мария, – обиделся Иван Иванович.

– Прости меня, Иван Иванович, я не знал, что Матильда настолько тебе дорога. И справедливости ради будет сказано, нельзя судить о человеке только по его имени. Я был не прав, но, Иван Иванович, все равно, как бы ни была тебе верна Матильда, ее нельзя сравнивать с непорочной девой Марией. Матильда- ведьма и, прости меня еще раз, нет, и никогда не будет на свете непорочных ведьм. Непорочная ведьма это нонсенс! Тем более что, как ты сказал, у вас с Матильдой была тайная связь.

– Хорошо, тогда она у меня непорочна как английская королева, – сказал Иван Иванович, не поднимая головы.

– Это другое дело, но, не обижайся, в это мне тоже смутно верится. Чтобы ведьма была непорочна как английская королева, тоже ни в какие рамки не влезает. Но, ради справедливости надо сказать, что у людей повелось считать, что Англия- родина ведьм, так что пусть будет непорочна как английская королева, в этом хоть прослеживается логика. Да, Иван Иванович?

– Да, мой господин.

Рублев улыбался. Наставления учителя своему ученику всегда зарождались по-разному. Когда – беззвучно, когда – громко и даже взрывоопасно, но как бы там ни было, они были наполнены мудростью и так подавались Дмитрием Сергеевичем, что Иван Иванович всегда убеждался в правильности замечаний.

Настоящий учитель так ловко преподносит свою мысль, что может сделать, так что ученик соглашается не столько с учителем, сколько с самим собой. И в этом, заключена и радость, и боль. Труд гениальных учителей всегда неблагодарен. Истинный учитель с помощью своего гения превращает умишко в светлый и разносторонний ум, который зачастую не признает, кому он обязан своей теперешней силе. И не потому, что он, как неблагодарный трутень, который крепнет и вырастает на чужом труде. Нет все происходит потому, что он, в самом деле, свято верит, что возмужал сам по себе. Проходит время, и недавний ученик сам превращается в учителя и только тогда понимает, кому он обязан своим знанием, как в зеркале видя себя в своем ученике. Но поздно – учителя уже не стало. Время свело с ним счеты, унесло его надежду на благодарность своего ученика, в которого он вкладывал душу. Еще не поздно?! Так сорвитесь же с места, разыщите своего учителя и скажите ему спасибо! Доставьте друг другу ни с чем несравнимую радость, цена которой – одно единственное слово.

– Ну, так что же дальше? – взволновано, сказал Дмитрий Сергеевич. Неужели Матильда в Ростове, раз вы о ней упомянули?

– Да, мой господин. От моих надежных осведомителей я узнал, что она уже много лет проживает в этом городе.

– Это удивительно, само провидение на вашей стороне. Сколько же вы не виделись?

– Двести лет, мой господин.

– Этого не может быть! – воскликнул Дмитрий Сергеевич и от волнения встал на ноги, словно он сам, а не его ученик не виделся двести лет с возлюбленной Матильдой. – Может меньше?

– Нет, в этом году ровно двести лет, как случай разлучил меня с Матильдой. Я каждый день отмечал!

– Я представляю, какой сейчас пожар пылает у вас в груди. Но что же послужило причиной разрыва? Скажите, мы с Егором Игоревичем сгораем от нетерпения узнать об этом. Да, Егор Игоревич?

Рублев кивнул.

– Рассказывайте, почему вы молчите?

– Это тяжело для меня. Я собираюсь с мыслями.

– Какая тонкая натура. Обязательно выйдет толк! Непременно выйдет!

– Как сейчас помню, – начал Иван Иванович, – 26 мая 1805 года, Милан. Корсиканец Наполеон Бонапарт короновался на итальянский престол, возложив на себя корону ломбардских королей, – сказал Иван Иванович и замолчал, закрыв глаза.

– Что случилось, Иван Иванович, какая роковая случайность разлучила вас с Матильдой? – взволновано сказал Дмитрий Сергеевич, и представляете, даже взялся за плечо Рублева.

– Страшная случайность, мой господин!

– Мы поняли, что она страшная, назовите ее?

– Нас разлучили солдаты, приветствующие своего короля!

– Что значит солдаты? – всплеснул руками Дмитрий Сергеевич. – Они открыли по вам огонь, и вы несли на руках Матильду, израненную смертоносными пулями, девушка задыхалась и в предсмертной агонии шептала, что она вас любит?!

– Нет, мы просто потерялись.

– Что значит, просто? Не было даже пушек, из которых вы палили картечью?

– Нет, – грустно сказал Иван Иванович.

Дмитрий Сергеевич, расстроенный, сел в коляску, и, широко раскрыв свои зеленые глаза, сказал:

– Реальная жизнь бывает настолько серой, что имя ей – страшная вещь!

– Да, мой господин.

Дмитрий Сергеевич встал на ноги, кони заржали.

– Я все равно счастлив за вас и за Матильду. Вы встретитесь, и вам поможет в нашем деле!

– Это циничный расчет, мой господин, я так не могу, – решительно сказал Иван Иванович.

– Мне приятно слышать такие слова от своего ученика, но, Иван Иванович, это не циничный расчет, а дело, которое совмещает в себе как полезные, так и приятные вещи. Вы – счастливчик! Работа, которая доставляет пользу и радость душе, самая лучшая работа на свете! Так что вперед, за радостью и пользой во благо общего дела. И прошу вас, не затягивайте встречу с Матильдой надолго, помните о деле, а то я знаю, что с мужчиной могут сделать двести лет тягостного и волнительного ожидания волшебного мига, имя которому близость. И, конечно, не спешите. Слова Цезаря: пришел, увидел, победил здесь не уместны. Двести лет – это прилично! Любая женщина обидится, если вы мало уделите ей внимания после такого длительного разрыва, не говоря уже о Матильде. Она ведьма, а значит, тонкая ранимая натура. Такая может и отомстить.

– Дмитрий Сергеевич, они еще не встретились, а вы уже страшаете, – вмешался Рублев.

– Вы знакомы хоть с одной ведьмой? – возмутился Дмитрий Сергеевич недовольный, что его перебили.

Рублев приготовился что-то ответить, но ему не дали сказать, опередив на миг.

– Предупреждаю заранее, директор вашей школы Изольда Гильотинова – не ведьма, хотя и неоднократно к нам просилась.

Не подходит? – удивился Рублев, вспомнив жгучую брюнетку, которая наряду с неземной красотой обладала просто жутким характером. Вечно на всех вопила и на каждом педсовете устраивала действо, которое по напряжению и накалу страстей затыкало за пояс Варфоломеевскую ночь. Разумеется без жертв.

– Ну, отчего же – подходит.

– Тогда почему не взяли?

– Вот сведет в могилу еще с десяток учителей и обязательно возьмем!

Рублев раскрыл рот.

– А что вы хотели?! Всех подряд в ведьмы не берут, ими становятся, а не рождаются, и только так, и ни как иначе. Иван Иванович, за дело и не обижайте Матильду. Если солнце поддерживает жизнь на земле, то женщины, и только женщины ее дают и продляют!

– Слушаюсь, мой господин, – сказал Иван Иванович и растворился в воздухе.

– А мы, Егор Игоревич, наведаемся к Александру Александровичу Боброву и Борису Борисовичу Аистову, которые в показаниях Лёни проходят под именами Лелек и Болек.

– Я их знаю, могу показать, где искать.

– Егор Игоревич, вы опять не возьмете в толк элементарные вещи. Их не нужно искать, они вон, как ни в чем не бывало, сидят на своих рабочих местах и наживаются на невежестве граждан.

Рублев завертел головой. Мрачный серый переулочек и ни одной живой души.

– Да не вертите вы головой! Просто будьте внимательней.

Рублев замер, изо всех сил напрягая слух.

– И не напрягайтесь так сильно, расслабьтесь!

Рублев сделал глубокий вдох, выдохнул, успокоился и стал прислушиваться к каждому шороху.

Десятки голосов закружились вокруг Рублева.

– Так почему ложки? – спрашивал мужчина.

– Двадцать рублей за пару, – отвечала женщина, – берите недорого.

Разговор двух мужчин.

– Сколько книги?

– А сколько не жалко?

– Десять рублей!

– Мало! Книги хорошие.

– Пятьдесят, больше не дам!

– Забирай бог с тобой!

Разговор двух женщин.

– Сколько платье?

– Двести рублей.

Так оно ведь старое и к тому же нестиранное!

– Уступлю пятьдесят, возьмешь?

– Еще червонец скинь, мне на порошок тратиться!

– Ладно, бери уже.

Разговор молодого парня и взрослого мужчины.

– Почему?

– По двадцать!

– А из новинок что-нибудь есть?

– Все что перед глазами, то и есть!

– А есть, – сказал молодой человек и замялся.

- Что же сразу не сказал?
- Я сказал!
- Сказал он, вот смотри: пятьдесят рублей за штуку, обмен – десять!
- Голос, не нуждающийся в особом представлении:
- Ваши документы, пожалуйста!
- Нету, дома оставил!
- А что же вы их дома оставляете?
- А где им еще быть?!
- А вдруг с вами что-нибудь случится, а документов нет!
- Я за хлебом вышел, что со мной может случиться?!
- Да все, что угодно! Время, сами знаете, какое.
- Какое?
- Теракты! Вот вы, кто такой будете?
- А вы?
- Вы что, служебную форму от гражданской не отличаете?!
- Я отличаю, но вы не представились.
- Что грамотный?
- Вы же сами знаете, время какое!
- Какое?
- Теракты!
- А ну пройдемте!
- Куда?
- Куда надо!
- Я только за хлебом вышел!
- А у вас на лице не написано и хлеба с собой нет!
- Голоса черт знает кого:
- Принес?
- Да!
- Да не показывай, увидят!
- А не все ли равно? У нас на лице написано, что почем.
- Хорошо давай!
- По триста?
- По триста пятьдесят.
- Ни стыда, не совести!
- Я говорил сдать его надо! Будем месяц жить, как люди!
- Ладно, пошли в аптеку.
- Зачем? У меня с прошлого раза остался, в кармане лежит.
- Ну тогда, давай скорей!
- Пряма здесь?!
- А где же еще?!
- То – не показывай, то – прямо на месте!
- Вот поэтому и просил не показывать!
- Постепенно голосов становилось все больше и больше.

Рублев на пару с Дмитрием Сергеевичем не сидели как раньше в коляске. Слуга и тройка вороных вместе с коляской испарились бесследно. Учитель истории стоял вместе с вершителем справедливости на тротуаре. Вокруг происходили невероятные вещи. В глазах Рублева все плыло.

Улица словно качалась на волнах и перед глазами стояли мутные искаженные очертания, как в кривом зеркале, или когда на жаре смотришь вдаль и вещи, которые по природе своей

неподвижны, оживают и куда-то плывут. Голоса становились все громче и громче. Теплый ветер, сбивающий с ног, ворвался в переулок и как огромная волна понесся по улице между зданий прямо навстречу Рублеву. Он замер, и, вжав в себя плечи, приготовился встретить удар. Ветер летел, как запущенная кем-то стрела, и там, где он проносился, прямо на глазах из воздуха появлялись десятки людей, какие-то тряпки, расстеленные прямо на тротуаре, горы непонятных безделушек, старые платья и костюмы на вешалках, обувь, книги, видеокассеты и еще черт знает что. Ветер все ближе и ближе подбирался к Рублеву, и он закрыл глаза.

– Трамвай, Егор Игоревич, трамвай! – раздался над ухом Рублева голос Дмитрия Сергеевича, и его крепкая рука потянула учителя истории на себя.

– Спасибо, вы спасли мне жизнь! – задыхаясь от волнения, сказал Рублев, приходя в себя.

– Да с чего вы взяли! Мне что, больше делать нечего?

Рублев опешил.

– Водитель трамвая – славная женщина, мать троих детей. По секрету, у нее еще двое будет. А вот если бы она вас сбила, то так и осталось бы трое. У вас в России с демографическим фондом туго. Вот я и решил и – рождаемость повысить, и смертность понизить. Двух зайцев одним выстрелом убил и все – благодаря вам.

– А вот если?

– Если – не бывает, бывает только судьба! Смотрите, вон ваши знакомые, – сказал Дмитрий Сергеевич, указывая тростью в сторону Аистова и Боброва, которые сидели на стульях около стены обветшавшего трехэтажного здания постройки начало прошлого века.

Борис Борисович Аистов был пожилым сухоньким мужчиной с белыми как снег усами и жиденькими волосами на некрупной голове. Одет он был в светлую синтетическую куртку и вареные джинсы. Аистов просматривал газету «Аргументы и факты», дотошно перечитывая одно и то же по многу раз с очень серьезным и вдумчивым видом. Накрахмаленные носки выглядывали из-под штанов и бросались в глаза прохожим.

Александр Александрович Бобров, напротив, был молодым крепким мужчиной – кровь с молоком. Он обладал густой черной шевелюрой и резкими чертами лица. На нем довольно плотно сидели черный джинсовый пиджак и черные брюки из какого-то толстого и очень крепкого на вид материала. Брюки были так умело выглажены, что идеально ровная стрелка, которая имела на каждой штанине, строго делила ее пополам, отчего можно было предположить, что над ними поработала заботливая женская рука, или приложил умнее настоящий русский офицер, у которого одежда каждый день сверкает, как на параде.

Бобров держал руки в карманах пиджака и выдумывал себе черт знает что, отчего, как вы сами понимаете, о военной закалке не может быть и речи, так что остается жена.

«Рублев!» – подумал Аистов, заметив учителя истории.

«Настоящий нумизмат!» – подумал Бобров.

«Бедный!» – подумал Аистов и переглянулся с Бобровым.

«Но настоящий!» – усмехнулся про себя Бобров.

– А кто это с ним? – сказал Аистов, отложил в сторону газету и поднялся с низенького раскладного алюминиевого стульчика.

– Может, что заработаем? – оживился Бобров и последовал примеру коллеги, встав с деревянного стула с высокой спинкой.

– На Рублеве – исключено, а у того, что в цилиндре слишком лицо умное.

– Да с чего ты взял? – удивился Бобров. – Клоун в цилиндре, где он его только взял?!

– И я про то! – сказал Аистов, не спуская глаз с головного убора Дмитрия Сергеевича.–

Не может быть, что бы девятнадцатый век, – сказал он шепотом.

– Конечно, не может, он же как новый!

– А похож, как похож!

– Ерунда!

– Не знаю, не знаю, все может быть!

– Так узнаем!

– И то, правда!

Рублев поприветствовал знакомых, и они ему ответили тем же.

– Познакомьтесь, Дмитрий Сергеевич! – сказал Рублев и легким движением руки указал на того, с кем пришел.

Дмитрий Сергеевич улыбнулся, заложил трость под правую руку, а левой рукой медленно снял цилиндр так, чтобы все кто желает, могли его как следует рассмотреть.

«Цилиндр безупречен, как пить дать, подлинный!» – подумал Аистов.-

«Догадался, о чем толкуем. Артист!» – подумал Бобров.

– Скорее режиссер, Александр Александрович, – сказал Дмитрий Сергеевич и надел головной убор.

Бобров оторопел, но быстро пришел в себя, сославшись на то, что имя ему мог сказать Рублев, но вот про артиста как узнал, осталось для него загадкой.

– Главный? – поинтересовался Аистов и сразу решил, что цилиндр, наверное, казенный, из реквизита, и надет, чтобы пускать пыль в глаза, потому что они, артисты, без этого ну никак не могут, душа требует.

– Нет, ну что вы, – улыбаясь, сказал Дмитрий Сергеевич, – я- один из главных!

Рублев улыбнулся. Узнав, что почему, он стал понимать, какой необыкновенно тонкий юмор заложен в вещах, которые кажутся на первый взгляд абсолютно несмешными в виду того, что они непонятны. Это лишний раз доказывает, что понимать тонкий юмор- удел только посвященных или по-настоящему умных людей.

– И много вас, главных? – сказал Бобров и подумал: «Небось, мелкая сошка. Прихлебатель!»

– Мерить кого-либо надо не по вседозволенности, а по тому, какому благому делу он служит, пользуясь возложенной на него властью.

– Чего?

– Вам этого, к сожалению, не понять, не заостряйте внимание. А сколько нас, главных, скажу. В этом нет никакого секрета. Отец, Сын, Святой Дух и я Дмитрий Сергеевич.

Ничего себе! – удивился Бобров и возмущенно подумал: «Прокорми вас всех!»

Дмитрий Сергеевич чуть не подпрыгнул на месте и воскликнул:

– Интересное замечание! Надо будет как-нибудь с Ним обсудить.

– С кем?

– С Ним! – сказал Дмитрий Сергеевич и указал тростью на небо. -Может, и в самом деле этот разговор ни к чему. Отдать вас всех Ивану Ивановичу и – на покой.

Рублев побледнел.

– Не бойтесь, Егор Игоревич, я шучу. Сами подумайте, если так дело будет, Иван Иванович настолько устанет кувалдой махать, что в руки перо взять не сможет. Как считаете, веская причина?

«Кто такой?» – подумал Бобров.

«Никаких сомнений, цилиндр настоящий!» – только и думал Аистов, не заостряя внимания на разговоре.

Рублев ничего не ответил и лишний раз убедился, что, как бы ни был временами великодушен Дмитрий Сергеевич, он всегда останется Дмитрием Сергеевичем, в этом он весь.

– Вы правы, Егор Игоревич, все от того, что у нас у всех строгое разделение обязанностей. Вы уповаете, Отец располагает и решает – быть или не быть, Сын печется о вас, Святой Дух незримо контролирует вас, а я, Дмитрий Сергеевич, на пару Черновым Иваном Ивановичем вершу справедливость. А теперь – к делу! Лёня Клюев, бесспорно талантливый молодой человек, продал вам вещь, которая по праву должна принадлежать Егору Игоревичу.

– Ничего не знаем! Мы заплатили приличную сумму, если он не отдал деньги, с ним и разбирайтесь, – сказал Бобров, прекрасно зная, что у Лёни отродясь своего ничего порядочного не водилось.

– Мы с ним уже разобрались!

– Тогда, какие претензии?!

– Так вот в чем дело! – сказал Аистов, оторвавшись от изучения цилиндра. – Я тогда еще подумал: откуда у Лёньки рубль Анны Иоанновны? Стало быть, он твой, Егор?

Рублев замаялся.

– Мы поменялись. Обмен производил с моей стороны – Иван Иванович, с Егора Игоревича – Лёня.

– Кто такой Иван Иванович? – вырвалось у Боброва само собой, как только он вновь услышал имя незнакомца.

– Вы что, не знаете?! – изумился Дмитрий Сергеевич.

– Нет, первый раз слышу!

– Надо будет сделать выговор Ивану Ивановичу, распустил он вас!

– Кого нас?

– Скупщиков краденого!

Бобров проглотил слюну и стал лихорадочно соображать. «Как я раньше не догадался, что он прокурор! Он же сам сказал, что я, мол, режиссер, один из главных. И про Отца какого-то плел, а еще Сына и Святого Духа, и говорит, что я вершу справедливость! Мол, вы на отца уповаете, а он располагает и решает быть или не быть, а сын его о вас печется, а дух за вами наблюдает. Все ясно! Отец- судья, сын его – адвокат, дух- милиция, он – прокурор, а Иван Иванович, стало быть, следователь. И как я раньше не догадался. Он же мысли, зараза, читает! Обученный, матерый волчара! Ну, спасибо, Лёня, свинью подложил, так подложил! И Рублев тоже хорош – взял и навел. Что, сами бы не разобрались?! Как ни как – не чужие! И вообще, как Егора угораздило с прокурором монетами меняться?! И вообще, кто он такой, этот прокурор?! Я его в клубе ни разу не видел. Приезжий, небось. Не дай бог, из Москвы. Точно, из Москвы! Ведь сам сказал, что мы с ним уже разобрались, а если вопрос решен, так в чем же дело? А в том, что по мою душу! Я только неделю как из Москвы вернулся. Неужели Генка сволочь сдал! Я ему – двадцать золотых червонцев за полцены, а он мне – прокурора. Сволочь, Генка! Я никогда никого не обманывал. Я его предупреждал, что червонцы краденные, а он взял и сдал, собака! Может бежать? Поздно! Попробую откупиться»

– Александр Александрович, вы верующий? – спросил Дмитрий Сергеевич.

«Зачем спросил»? – стал думать Бобров, – Наверно, сейчас станет стращать, чтобы во всем признался, мол, покайся, легче станет. Дудки! Меня теперь не проведешь. Скажу, что нет, пускай на это не рассчитывает. А денег предложу. Много предложу! Все отдам! Нет, половину оставляю. Знаю я вашего брата. Все отдашь, а тебя в кутузку! Выйду с голой задницей – ни кола, ни двора! Или кому-нибудь другому дело отдаст, и не будет у меня потом денег, чтобы на лапу снова давать!

– Так, верующий или нет?

– Нет, не верю!

– Я не сомневался! Так истолковать мои слова и сравнить Отца, Сына, Святой Дух и меня на пару с Иваном Ивановичем с людьми, которые покупаются и продаются, может только неверующий. Но, справедливости ради будет сказано, логика есть, но если только рассматривать ваш образ по расстановке сил и распределению обязанностей.

– Никого я ни с кем не сравнивал! – сказал Бобров и подумал: «Так и есть, обучен мысли читать! А не все ли равно? Главное, взятку возьмет! Сам сказал, что продаются и покупаются, а под конец так вообще лично признал, что мои мысли не лишены здравого смысла».

– Так в чем, собственно, дело? – сказал Аистов, оторвавшись в очередной раз от изучения цилиндра. С каждой минутой головной убор его интересовал все больше и больше и занимал все его мысли, но, чтобы не казаться невежей, он решил иногда давать о себе знать.

Дмитрий Сергеевич снял цилиндр и отдал его Аистову, тот засиял и даже забыл, о чем спрашивал, не говоря о том, чтобы сказать спасибо.

Избавившись таким образом от Аистова, Дмитрий Сергеевич продолжил разговор с Бобровым.

– Александр Александрович, меня сейчас мало волнует ваши махинации с Геннадием Геннадиевичем, придет время и вами займется Иван Иванович, меня же интересует рубль, который лежит у вас во внутреннем кармане куртки.

«Все стало на свои места! – стал размышлять Бобров. – Значит, Генку повязали. Туда собаке дорога! А я откуплюсь! Сам говорил, что продаются и покупаются! А теперь страшает, что если на лапу не дам, следовательно Иван Иванович мной займется. Хорошо, что рублями возьмет. Долларов нет! А вдруг валюту потребует?! Зачем только жене третья шуба понадобилась?! Теперь садись в тюрьму из-за этой хапуги! Нет, обойдется. Сам сказал что, мол, рубль в кармане. Намекает! Матерый прокурор, ничего не скажешь. Вот что с людьми столица делает. Главное, чтобы по московским расценкам не затребовал. Не потяну, придется машину продать! Жалко, но фиг с ней – еще заработаю. Только бы откупиться, только бы откупиться!»

– Александр Александрович, я смотрю, у вас ум за разум заходит. Я вас ставлю в известность, что в тюрьму мы вас заключать не станем. Я такими вещами не занимаюсь.

«Намекает, что придется еще и судье взятку давать», – подумал Бобров.

– Ну, это уже слишком! Успокойтесь, наконец. Мне нужен только рубль, который вы купили у Лёни. Хотите, я вам за него дам свой цилиндр. Это будет справедливо, вы потратились, и я должен вам компенсировать материальный ущерб. Деньги я не предлагаю, потому что с деньгами не вожусь! Деньги есть у Ивана Ивановича, но он с Матильдой и будет неприлично с моей стороны прерывать его свидание с возлюбленной, потому что они не виделись двести лет.

– А чем докажете, что он настоящий? – сказал Аистов, расслышав слово цилиндр.

– Не сомневайтесь, у меня все настоящее! Не верите, спросите у Егора Игоревича, он не соврет.

– Простите, я не знаю, – сказал Рублев, и ему почему-то стало стыдно.

– Я же сказал, что он не соврет! И отбросьте Егор Игоревич в сторону ваш стыд. Вы сказали чистую правду; ели бы вы сказали да, это была бы ложь, и тогда Иван Иванович скорчил бы вас людоедам.

Рублев улыбнулся. За время общения с Дмитрием Сергеевичем он стал понимать, где он шутит, а где – свиреп, как лев.

Между тем Бобров переваривал слова того, кого он принял за прокурора. «Матерый волк, ничего другого не скажешь, вон куда повел! Говорит, что я с деньгами не имею никаких дел. Боится засветиться! А Матильда, наверное, из отдела внутренних расследований. Следит за ним и, если накроет, двести лет ему дадут, не меньше! А Иван Иванович, стало быть, наводит эту Матильду на ложный след, пока его шеф, прокурор, меня доить будет. А с цилиндром как ловко придумал. Прокурор – не водитель трамвая! Говорит, что будет справедливо компенсировать нам материальный ущерб. Возьмите, говорит, цилиндр! Гений! Шляпа, небось, стоит тысячу рублей не больше, а я за монету отвалил последние пятьсот долларов. Подожди! Это что значит? Что? Всего пятнадцать тысяч рублей – и я чист как младенец?! Повезло, так повезло! А я уже решил квартиру пятикомнатную в центре продавать»

– Про младенца, конечно, вы загнули, Александр Александрович, а вот что Иван Иванович не с нами, то в этом вам действительно повезло, так повезло!

«Намекает, что пришлось бы и следователю пятнадцать тысяч платить. Не беда, заплатил бы! Это же не миллион, как с Игната потребовали за то, что его сын, обалдуй, автомат милиционерам продал!» – подумал Бобров.

– У вас в России и такое может быть? – изумился Дмитрий Сергеевич.

– У нас все может! – сказал Бобров и подумал: «Если прокуроры мысли читают!»

– Справедливо. А теперь, уважаемый, давайте меняться, потому что вы у нас не один такой, кому Лёня чужое продавал.

«Вот в чем дело! – подумал Бобров. – Значит таких дойных коров, как я много! С каждого по пятнадцать тысяч. А если нас сто человек, а если двести – это же целое состояние! Недооценил. Рано решил, что этот не как все прокуроры, что берет по-божески!»

– Да что вы такое несете, Александр Александрович?! Ну, подумайте сами, откуда я столько достану цилиндров девятнадцатого века?

«И то верно! Неужели штаны с носками в ход пойдут?!» – подумал Бобров и вопросительно уставился на прокурора, ох извините, на Дмитрия Сергеевича. Такие люди, как Бобров, если им тему подкинуть, что хочешь, навывдумывают, и кого хочешь, запутают, не говоря уже о себе.

– Все, хватит с меня! Давайте меняться и прощаемся! Я больше не выдержу чушь в вашей голове читать.

– А вы не читайте! – сказал Рублев.

– Не могу, Егор Игоревич, интересно!

– Нет, чем вы подтвердите, что он девятнадцатого века? – нежданно-негаданно сказал Аистов, и все удивленно посмотрели в его сторону.

«Ты ошалел, Борис Борисович?! Мне срок светит, а ты – в шляпе не уверен!» – возмутился про себя Бобров.

– Справедливо! – сказал Дмитрий Сергеевич и обратился к Аистову: Хотя вас я понимаю, у меня тоже были сомнения, когда Иван Иванович подарил мне цилиндр со словами, что этот головной убор принадлежал Александру Сергеевичу!

Рублев округлил глаза.

– Да, да, именно так, Егор Игоревич, я тогда тоже, как и вы, чрезмерно удивился.

– Кто такой, этот ваш Александр Сергеевич? – спросил Аистов.

«Молчи, дурак, а то доплачивать придется!» – про себя воскликнул Бобров и зверем посмотрел на Аистова.

– Однозначно! – строго и решительно сказал Дмитрий Сергеевич, и Бобров почувствовал себя скверно, представив себе переезд из благоустроенной квартиры в центре города в деревню к теще.

– Так кем будет Александр Сергеевич?

– Что значит, кем будет?! – возмутился Дмитрий Сергеевич. – Он один из лучших сынов человечества! Человек, который благодаря своему гению, подарил России язык, с помощью которого о ней узнал весь мир! И стыдно не знать звезду, которая взошла на небо не в каком-нибудь Зимбабве, а в России! Справедливости ради будет сказано, Петруша и здесь отличился, в первую очередь ему обязана Россия за поэта с мировым именем. А о Петре Великом только и слышно, как он стриг бороды и парился с девками! А то, что именно ему Россия обязана всем, начиная от флота, северной столицы, фейерверков, нового года с елкой, вплоть до первой газеты, музея, Академии наук, введению арабских цифр, упрощению алфавита и массе полезных вещей, все молчат! Другими словами, никакой справедливости!

– А доказательства?! – сказал Аистов.

– Ну, знаете! Вам что, Александра Сергеевича с того света призвать, чтобы он сам подтвердил?!

Аистов посмотрел на Боброва и мотнул головой в знак того, что овчинка выделки не стоит. У Боброва полезли глаза на лоб, и он указательным пальцем покрутил у виска.

– Я что, для себя одного стараюсь! – воскликнул Аистов. – А если цилиндр не настоящий, куда мы его потом денем?!

– Я его носить стану! – взорвался Бобров. – Тебе этого мало?!

– Вот если бы имелся каталог, и можно было сверить! – сказал Аистов.

– Каталог? На что?! На цилиндры! – изумился Дмитрий Сергеевич, а Рублев не выдержал, и рассмеялся.

– Да, именно на цилиндры!

– А Библию с автографами Отца, Сына и Святого Духа вам не надо?!

– А есть?!

Дмитрий Сергеевич задумался и серьезно сказал:

– Ну, в принципе можно устроить!

– Сколько вы хотите?

– Вашу жизнь!

– Дороговато, конечно!

– Вы еще сомневаетесь?!

– Доказательства!

– Они вам распишутся!

– Кто – они?

– Те самые!

– Я подумаю!

– Думайте, у вас два года осталось!

– Это много, я могу решиться уже сегодня вечером.

Дмитрий Сергеевич улыбнулся:

– Хорошо, я пришлю к вам Ивана Ивановича с кувалдой, чтобы вы наверняка получили автографы!

– Я подумаю!

– Что значит, подумаю?! Вы решили или нет?!

– Я не знаю!

– Тогда не морочьте голову и давайте меняться!

Аистов посмотрел на Боброва. Тот был подавлен и от нервного потрясения, что теперь уже однозначно придется жить у тещи, а не в пятикомнатной квартире, у него дергался левый глаз.

– Не мешало бы все-таки посоветоваться со специалистом по цилиндрам, чтобы было уже наверняка! – сказал Аистов, и у Боброва в придачу к левому глазу задергался правый.

– Доказательства? Хорошо, вот вам доказательства! – сказал Дмитрий Сергеевич. Рублев вздрогнул. Бобров перестал трястись. Аистов не понял.

Улица растворилась. Наступила гробовая тишина. Повалил снег. Вокруг Дмитрия Сергеевича и вышперечисленных героев ни одной живой души.

Рублев лихорадочно крутит головой по сторонам. Бобров ничего не делает, но восклицает про себя: «А еще говорят, бабы- дуры! Моя – не как все! Она купила шубу! Предчувствовала, что резко похолодает».

Аистов громко спрашивает:

– Что это?

Дмитрий Сергеевич прикладывает указательный палец к губам. Аистов кивает головой в знак того, что понял.

Раздается топот коней и звук подъезжающих карет. Все оборачиваются на шум и замирают.

На заснеженную поляну выезжают две кареты, тут же из них выходят люди в черных цилиндрах и черных развевающихся плащах. Кто-то пьян, кому-то все равно, кто-то кого-то просит примириться, самый серьезный считает шаги.

Кто-то кричит: К барьеру!

Кто-то кого-то пытается остановить и кричит всем: «Господа, опомнитесь!»

Кто-то кому-то восклицает на ухо: «Примирение невозможно! Дуэли не избежать!»

Каждый дуэлянт занимает свою огневую позицию. Раздаются выстрелы.

Кто-то отворачивается, кто-то закрывает глаза. В облаке порохового дыма кто-то падает и с него слетает цилиндр. Кто-то курносый и маленького роста показывается из кустов и ловко прячет головной убор под плащом.

Опять гробовая тишина.

Тот же самый переулочек, что и был.

– Монету, пожалуйста! – произносит Дмитрий Сергеевич, и его голос оживляет улицу. Голоса, шум машин, звон подъезжающего к остановке трамвая...

Рублев не верит своему счастью. Бобров громко восклицает:

– Моя, как все!

Аистов спрашивает:

– Что это было?

«Гипноз! – стал думать Бобров. – Мол, покажу ему, что его ждет, если взятку не даст. Матерый! Высшую меру наказания станет запрашивать, если откажусь! Но как? А вот так! Скажет, что вы свидетель убийства. Мало! А кража шляпы?! Боже мой, как я раньше не догадался! Прокурор хочет мне краденое сбыть, а потом навести, если что! Вот и верь теперь прокурорам!»

– Что вы опять себе навывдумывали?! – воскликнул Дмитрий Сергеевич.

«Вот он, значит, какой! Это что, выходит, я за свои деньги должен думать только то, что он хочет? Дудки! Стану думать, как мне заблагорассудится. У нас демократия думай, что хочешь – всем наплевать! А этому нет! Прокурор – не водитель трамвая! Значит все, как было, так и осталось» – подумал Бобров и достал из кармана монету. Рублев тяжело дышал. Произшедшее произвело на него эффект разорвавшейся бомбы, и он не мог говорить и ничего не слышал.

Аистов не выпускал из рук цилиндр и думал:

«А можно ли верить такому доказательству?»

«Неужели свершилось!» – подумал Дмитрий Сергеевич и взял рубль Анны Иоанновны. Портрет императрицы с брошью на груди на монете отсутствовал.

– Что за оказия!

Промелькнула женская фигура в голубом пышном платье.

– Держите, ее Егор Игоревич, а то потом не догоним! – закричал Дмитрий Сергеевич.

– Еще одно доказательство? – вскрикнул Аистов.

– Заткнись! Дороже, выйдет! – закричал Бобров.

– Кого держать? – закричал, очнувшись, Рублев.

– Анну Иоанновну!

– Этого не может быть!

– Что значит, не может?!

– Вон та статная женщина в голубом платье с орлиным профилем?

– Нет, бабушка с вязанкою грибов. Ну, конечно же, она! Ну что же вы стоите?! Она прыткая, десять лет на престоле пробывала!

Рублев сорвался с места и побежал.

«Он с прокурором заодно!» – подумал Бобров.

Словно из-под земли выросли одиннадцать слуг господина.

– Группа захвата! – воскликнул Бобров.

– Странные у вас доказательства! – возмутился Аистов.

– Держите Анну Иоанновну! – закричал Дмитрий Сергеевич. Только прошу вас без рук! Все слуги, как один, побежали следом за Рублевым.

«Неужели дубинками забьют дамочку? Нет, эти сразу застрелят!» – подумал Бобров.

– Да ну вас к черту с вашими бестолковыми мыслями, отдайте цилиндр! – воскликнул Дмитрий Сергеевич и выхватил из рук Аистова головной убор.

«Вот они прокуроры, какие, наобещают с три короба, а потом – шляпу в руки, рубль в карман и поминай, как звали!» – подумал Бобров.

– Я вам не прокурор! – крикнул Дмитрий Сергеевич, и у него в руках объявился еще один цилиндр, как две капли похожий на первый. – Вот, возьмите – это цилиндр Дантеса! Ни мне, ни Ивану Ивановичу его головной убор не пришелся по сердцу!

– А доказательства?

– Через два года вам Дантес подтвердит, как говорит Иван Иванович, самолично! – сказал Дмитрий Сергеевич и побежал вслед за остальными.

Бобров сорвался с места и тоже куда-то побежал.

– Ты куда? – крикнул Аистов ему вслед.

– Квартиру продавать! – выкрикнул Бобров, не оборачиваясь, и скрылся за углом дома.

Аистов спрятал цилиндр в синий полиэтиленовый пакет, сел на свой низенький стульчик и раскрыл газету «Аргументы и Факты». Зачем? Наверно, чтобы найти доказательства.

А в это самое время в переулке творилось что-то страшное. Ростов еще такого не знал!

Анна Иоанновна, как было уже сказано, статная женщина с орлиным профилем, бежала по улице. Народ врассыпную как на корриде. Крики вопли и проклятья, чьей товар в одночасья был навсегда испорчен и превращен в подобия футбольного мяча, как пули на передовой летели по переулку. А когда у половины слуг улетели шляпы и в солнечном свете блеснули рожки, начался массовый психоз, и побежали уже все, кто были на улице. Триста человек, а то и больше. Все летело вверх дном, а кто-то умудрялся воровать на ходу. Рублев потерял из виду голубое пышное платье, и хотел было остановиться, но его с диким ревом подхватила толпа и понесла на руках.

– Спасайте Егора Игоревича! – закричал Дмитрий Сергеевич.

Двое слуг проделали что-то невообразимое. Они подпрыгнули верх и побежали по плечам людей. Настигли похитивших Рублева и стали их щекотать, чтобы они немедленно отпустили учителя истории.

– Прошу вас, только не до смерти! – велел Дмитрий Сергеевич и кричал другим: «Держите Анну Иоанновну, но только – без рук».

Удирающая неожиданно замерла на входе в рынок тканей, и с любопытством, присущим истиной женщине, стала разглядывать материал, наверное, выбирая себе подходящий отрез на платье.

Воспользовавшись случаем слуги оторвались от земли и по воздуху ринулись в сторону Анны Иоанновны.

– Какой кошмар, так нельзя! – закричал Дмитрий Сергеевич, и слуги, и все люди, кроме Рублева, замерли черт знает как.

Неописуемое счастье посетило бы художника, и он наверняка схватился бы за кисть, если бы только стал свидетелем необыкновенной сцены, когда сотни людей в причудливых позах стараются друг друга перещеголять в пластике. Слуги, удумавшие, если судить по взглядам Дмитрия Сергеевича, учинить недопустимые вещи, так вообще застыли в воздухе в нескольких сантиметрах над головой Анны Иоанновны в виде раскрытого зонтика. Красота непередаваемая. Рублев с замиранием сердца стал пробираться через невероятную кучу. Он смотрел, как кто-то на ком-то сидел, как одна гражданка умудрялась стоять на одной руке,

а свободной рукой держать за нос молодого мужчину, который лежал, в то время как на нем какой-то старичок замер в позе лотоса. Другими словами, «зайчики в трамвайчике и жаба на метле» – сущая ерунда по сравнению с тем, что вытворяли граждане друг над другом или, скорее всего, что жизнь вытворяла над ними. Условия, в которых живет человек, могут делать с ним, что угодно и когда угодно. И не русскому человеку это рассказывать, он знает это как никто на свете, убеждаясь в этой малоприятной истине ежечасно на собственном примере.

– Ну, Бобров, так Бобров! – сказал Дмитрий Сергеевич и у него в руке оказался ярко алый, как кровь альбом с вышитым золотом гербом дома Романовых. – Это же надо так навдумывать, чтобы у меня из головы элементарная вещь вылетела!

– Что будет дальше, если так все начинается?! – выкрикнул Рублев, оглядываясь по сторонам.

– Все что угодно, но только не то, что уже было! – ответил Дмитрий Сергеевич и спрятал в альбом рубль Анны Иоанновны. Статная женщина с орлиным профилем в голубом пышном платье растворилась в воздухе.

Улица ожила, и часть людей покатила к кубарем. Слуги рухнули на тротуар и спустя секунду исчезли.

Раздавались крики, кто-то считал синяки и ссадины.

– За работу, Егор Игоревич, у нас ее как у Юрия Петровича – непочатый край! – сказал Дмитрий Сергеевич.

– Кто это?! – удивился Рублев.

– Вы что, не знаете Гребешкова?! – изумился Дмитрий Сергеевич.

– Нет!

– Очень хороший врач. Самый лучший! А теперь вперед, опять навстречу приключениям! Если они будут необыкновенными, о них непременно напишут. И скажу вам по секрету, у меня есть все основания быть уверенным как в самом себе, что кто-то уже взялся за перо или, на худой конец, стучит по клавиатуре. Двадцать первый век! А что вы хотели?!

Вот и небезызвестного Боброва тоже ждали приключения. И еще какие. Он выбежал из переулочка и, сломя голову, бросился через дорогу. Подгоняемый в спину отборной руганью и несмолкающими сигналами клаксонов, он пересек проезжую часть и, спотыкаясь, очутился возле памятника Ворошилову. Бобров замер и побледнел. Ему показалось, что маршал держит в руках меч возмездия, что еще миг, и он обрушит меч Боброву на голову, и его буйная головушка слетит с плеч и закатится куда ни будь под лавку, где ее найдет дворник Прохор и снесет на свалку.

«Не может этого быть! Почему не может? Может, и еще как может, если прокуроры мысли читают!» – подумал Боров. Он проверил на месте ли его голова и побежал к ближайшей лавочке. На всякий случай заглянул под лавочку, снова проверил все ли в порядке у него с головой, погрозил кулаком Ворошилову и поспешно достал из кармана брюк телефон.

– Николай! – крикнул Бобров в трубку, как только услышал на другом конце линии знакомый пожилой голос и, не дожидаясь ответа, бегло заговорил:

– Слушай внимательно. Лёню арестовали!

– Не понял! – недоуменно раздалось из телефона.

– Не перебивай, поймешь, когда к тебе прокурор заявится!

– Какой прокурор?

– Из Москвы!

– Откуда?!

– От верблюда! Ты покупал сегодня что-нибудь у Лёни?

Молчание.

– Собирай вещи и тикай из города! Лёня продал чужие монеты, а деньги присвоил себе!

– Первый раз, что ли? – уверенно раздалось из телефона.

– Не всегда же коту масленица! Монеты, оказывается, московского прокурора! Матерый мужик. В цилиндре ходит. Мысли читает!

– Хватит заливать!

– Мое дело предупредить. Я не как Рублев, я своих не закладываю!

– А Егор тут причем?!

– Он с ними заодно, прокурор пообещал ему долю!

– С кем с ними?

– С группой захвата! Ты – как знаешь, а я – к теще. С Лёней уже разобрались! Ты сам знаешь как сейчас разбираются, закопали где-нибудь на Зеленом острове, а вещи – в Дон, и поминай как звали. Или – хуже того! Лёня здоровый как бык! У него органы вырезали и на самолете в Москву отправили.

– Да разве так можно?!

– Ты газеты читаешь? Прокурору во все времена все можно. На то он и прокурор, а не водитель трамвая!

– Ну кто же ты после этого, если не паразит! – раздался голос за спиной Боброва, и он обернулся и, заикаясь, сказал:

– Здравствуйте, Иван Иванович!

Бобров без подсказки сразу признал в курносом незнакомце следователя по особо важным делам, которым стращал Дмитрий Сергеевич.

«Это про него говорил прокурор! – думал Бобров. – Говорил, мол, что надо сделать выговор Ивану Ивановичу, чтобы он с нами скупщиками краденого, разобрался.

– Саша, куда ты пропал, почему молчишь?! – тревожно раздавалось в телефоне.

Иван Иванович взял из рук остолбеневшего Боброва телефон и вежливо сказал:

– Николай Петрович, пожалуйста, никуда не отлучайтесь, за вами придут.

– Кто это говорит?!

– Ты меня понял паразит или нет! – сердито закричал Иван Иванович.

Бобров побледнел и подумал: «Почему только тогда, когда смерть уже близко, я осознал, что нет ничего лучше на свете, чем тещины пироги с капустой».

Иван Иванович прикрыл рукой телефон и спросил:

– На самом деле такие вкусные?

Бобров кивнул.

– А мне не предлагала. Ведьма! – сказал Иван Иванович и продолжил разговор по телефону:

– И запомни, паразит, если ты деру дашь или кому-нибудь из дружков-подельников, позвонишь я тебя живьем за жарю и съем вприкуску с самыми лучшими на свете пирогами с капустой, которые печет теща Боброва Прасковья Петровна. Я не ел, но Боброву можно верить, потому что перед смертью не врут. Все, жди, скоро буду!

«А еще говорят, что Бобров думает, черт знает что!» – подумал Бобров.

– Правду люди говорят! – сказал Иван Иванович, отключил телефон и спрятал его под плащом.

Бобров раскрыл рот.

– Он больше вам, Александр Александрович, не понадобится!

«И, действительно, зачем мне на том свете телефон?» – подумал Бобров.

– А мне пригодится! – сказал Иван Иванович, и Бобров очень пристально на него посмотрел.

Иван Иванович смутился, посмотрел по сторонам, заглянул за спину, чтобы убедиться, не выглядывает ли из-под плаща хвост, проверил, на месте ли шляпа, и пожал плечами, не отыскав нечего, что могло его разоблачить.

– Что-то не так? – осторожно и взволновано спросил Иван Иванович.

Бобров, не проронив ни слова, провел рукой по левой щеке. Ту же самую процедуру сделал Иван Иванович и обнаружил на пальцах следы от губной помады. Он достал из-под плаща белый платок, аккуратно вытер пальцы и щеку.

– Все? – спросил Иван Иванович.

Бобров кивнул.

Иван Иванович вдохнул аромат губной помады и проникновенно воскликнул:

– Матильда!

– Я тоже своей говорю, что же ты делаешь?! Жена заметит, три шкуры сдерет!

– Какой же ты все-таки, паразит! Я ему о светлых чувствах, а он мне о распутстве! Пора с этим завязывать. У тебя же дети и жена- красавица!

– А откуда про жену знаете? – со злостью сказал Бобров и тяжело задышал.

– Знаю! – хитро сказал Иван Иванович и Бобров заскрипел зубами и стал думать черт знает о чем.

– Бобров, что ты себе выдумал?! – воскликнул Иван Иванович и покрутил указательным пальцем у виска. У меня в жизни есть только одна женщина и имя ей – Матильда! Все, Бобров, пора тебе на перевоспитание. Умственный труд облагораживает человека, а физический творит чудеса – развивает мышцы и выбивает дурь из головы! – сказал Иван Иванович и Бобров растворился в воздухе.

То место, и край где оказался Бобров он всегда старался забыть. Не получилось. Спасибо Ивану Ивановичу, напомнил.

И теперь он, бледный как осужденный на каторгу, в окружении красавицы жены и двух сыновей дошкольного возраста сидел на проселочной дороге и с открытым ртом озирался по сторонам. Ему было не по себе. Все произошло так молниеносно, что он не мог ориентироваться, говорить было трудно. Рядом с семейством Бобровых располагалось их имущество: кухонный уголок, мягкая мебель, холодильник, стиральная машина, два телевизора, три шифоньера, спальный гарнитур, две тумбочки и три стола. Все было в лучшем виде, только что не сверкало на солнце. Посуда, так вообще, была завернута в бумагу, а постельное белье переглажено и сложено в ровные стопки.

Александра Александровича пирогом с капустой в руках встречала теща. Это была румяная пышущая здоровьем женщина, на вид не старше пятидесяти лет с черными до пояса косами, которые при близком рассмотрении сильно напоминали змей. С фигурой, которую бы Рубенс писал дни и ночи напролет, заливая мольберт слезами счастья.

В цветастом платье и в белоснежном фартуке женщина улыбалась и кланялась дорогому гостю, который как было видно, приехал к ней навсегда, а не на выходные – раз в полгода, как это часто бывало раньше. На заднем плане за Прасковьей Петровной красовался вековой каменный дом, белый, как снег, от побелки, с деревянными зелеными ставнями, и два добротных саманных сарая с соломенной крышей.

– Здравствуйте, мама, – мучительно тяжело выдавил Боров и подумал:

«А Лёне то повезло больше: его закопали – и все!»

– Здравствуй, сыночек, здравствуй, дорогой! – ласково сказала Прасковья Петровна. Ну, теперь заживем! И свиней станем держать, и корову, а к весне разведем кроликов, а там, гляди, и нутриями займемся!

Бобров еще больше побледнел, представив себе лохматых гигантских крыс с желтыми большими зубами, осмотрелся по сторонам и подумал, что чего-то не хватает.

– Ты это что, сыночек, не машину ли выглядываешь?

«И действительно, где машина!» – подумал Бобров, и у него оборвалось сердце.

Его железный конь был только месяц как с конвейера, и по выражению лица Боброва можно было смело сделать вывод, что автомобиль был не рядовой и, наверняка, импортный.

– Не переживай, сыночек, тебя трактор новенький дожидается. Иван Иванович на славу постарался. Откушай пирога с капустой и за работу!

Глава седьмая. Петухов.

Сплетням столько же лет, что и человечеству. Сплетничают все, но почему-то испокон веку повелось считать, что именно женщины возвели сплетни в ранг искусства. Несправедливо! Нет, упаси вас Бог подумать, что я хочу отнять пальму первенства у прекрасного пола. Женщины всегда останутся лучшими во всем, но в такой вещи как сплетня, есть такие, кто шагает с ними в ногу, а порою и убегает на сотню- другую метров вперед. Кто? Журналисты!

Григорий Германович Петухов был лучшим журналистом одной из газет города. Своими статьями он мог даже у Фомы- неверующего пробудить жгучий интерес, к чему бы это ни было и не исключено что и веру. С точки зрения желтой прессы, они были блестящие. Порою, накал страстей, разворачивающихся на пол страничке газетного текста, мог заткнуть за пояс любой неплохой детектив толщиной в триста страниц. И всему виной ложь. Сдобренное фактами отборное вранье, которое, что скрывать, любят все люди без исключения, если оно не по их душу. Наговор? Нет, что вы, чистая, правда! Признайтесь сами себе, кто из нас не любит полистать газету где, такие как Петухов, перемывают косточки артистам шоу бизнеса или как сейчас принято говорить, звездам. Они думается, и придумали этот термин- звезда по отношению к сомнительному искусству. А звезда- это совсем другое. Звезда- это что-то необъятное, с неисчерпаемым зарядом энергии и знаний. Звезда должна прививать светлые чувства подрастающим поколениям, пробуждать у молодых желание совершать подвиги и браться за великие дела. Это композиторы, писатели, художники, ученые- первооткрыватели, политики, отметившиеся благими свершениями. Все те, чьи имена останутся в веках, как бы их не оскверняли люди, имя которым обыкновенные завистники. А называть заурядные лампочки перегорающими за считанное время, а то и вовсе в одночасье, звездами, просто невежество, и еще раз невежество. Но вернемся к Петухову. Его коньком были гастроли артистов шоу бизнеса и всевозможные происшествия, разворачивающиеся на улицах родного города.

А в городе с миллионным населением всегда происходит невероятное количество происшествий, но такого еще не случилось.

В квартире по улице Соборной зазвонил телефон.

Петухов – худой мужчина с огненно рыжей шевелюрой пытался заснуть и в гробу видел всех, а тем более, главного редактора. Петухов сердцем чувствовал, что звонит именно он, Колоколов. Возьмешь трубку – раскричится и потребует к себе. А Петухов, хоть убей, не желал в выходной день вставать и куда-то тащиться.

«Хватит и того, что я спозаранку, как только открыл глаза, отправился в городское общество коллекционеров! – раздражено думал Петухов, а телефон между тем трезвонил, не прекращая. И тут – на тебе, Лёня! Свалился, как снег на голову, и уговорил меня купить эту чертову монету. Зачем она мне только понадобилась?! Я собираю антику, а тут – на тебе, взял и купил рубль, и не за пять копеек, а за пятнадцать тысяч рублей. Лёня кого хочешь, уговорит, будь он неладен!»

– Даю голову на отсечение, что звонит Колоколов! – сердито воскликнул Петухов, поднялся с постели и босой, в одних красных трусах, с недовольным видом вышел из спальни.

К тридцати пяти годам Петухов умудрился пятнадцать раз жениться и пятнадцать раз развестись. В загсе № такой-то есть все подтверждающие доказательства.

Петухов считал женщин воплощением совершенства на земле и совершал ради них подвиги: подавал руку, открывал двери, помогал переносить тяжести, дарил огромные букеты цветов, носил на руках и выполнял любые капризы. Позволить чего-нибудь большего Петухов мог себе только после того, как, держа под руку свою возлюбленную, выходил с ней из загса.

«Близость – только в законном браке!» – девиз Петухова дословно. Женщины вздыхать рано, это еще не финал. Посмотрите на цифры! Статистика- штука тонкая.

Точно сказать нельзя, по каким причинам Петуховы соблюдают выше изложенное правило. Может, в силу своего воспитания, или еще чего, и это их личное дело; а вот почему такие как Петухов по пятнадцать и более раз по доброй воле вступают в брак, это интересно. И причем, не просто женятся, а заводят детей, прекрасно зная, что они их оставят. К слову, у Петухова две чудные дочки.

Улыбки, прогулки под луной, вздохи на скамейках и неисчислимы глупости. Волнительные мгновения, которые дарят ухаживания – это то без чего не мыслят своей жизни Петуховы. У иных после заключения священных уз все эфирное уходит на второй план и пробуждаются новые чувства, такие как ответственность, забота о близких людях, которые всецело рассчитывают на них, а у Петуховых вместо этого тоска, выворачивающая душу наизнанку. И они все начинают сначала, но не затем, чтобы попытаться найти свое счастье, а только, чтобы снова испытать волшебные ощущения, которыми наполнены зарождающиеся отношения.

Петуховы очень счастливые и очень несчастные люди. Они могут летать на зависть другим, но ничтожно мало парят и, в конечном итоге, умирают, где-нибудь у черта на куличках, в одиночестве. А может такие как Петухов, обыкновенные трусы и трудности, сваливающие им на плечи, пугают их и обращают в бегство, а романтический ореол, витающий над ними, они выдумали сами, чтобы умело маскироваться под людей с тонкой, ранимой натурой? Или есть что-то такое, что мы не знаем о них? Время покажет.

Петухов снял трубку.

– Колоколов говорит! – раздался сердитый голос главного редактора.

«Приятного мало!» – подумал Петухов зевая в трубку.

– Аллю, аллю, Колоколов говорит!

– Я вас слушаю, Александр Спиридонович.

– Петухов ты что, в кошки мышки затеял со мной играть?! – гневно закричал Александр Спиридонович. – Мы его ищем повсюду, а он, как воду канул! Ты где два дня пропадал?!

– Я женюсь! Выбирал кольцо невесте.

– Петухов, тебе что, делать больше нечего кроме как в двадцатый раз жениться?! У нас номер горит, никаких женитьб!

– Я женюсь в шестнадцатый раз, а не в двадцатый!

– Какая разница! У тебя Петухов, где шестнадцатый – там и двадцатый! Я вообще удивляюсь, как еще дуры в России не перевелись! – хохотнул главный и спросил:

– Петухов, а куда печать ставить станут?

– Так ведь паспорта поменяли!

Хохот продолжился.

– Ну, Петухов, ну Петухов! Ты вот что, перо мое острое, бросай все к чертовой матери и за дело!

– Пожар, наводнение? Что случилось?

– Как что? Ты чем там занимаешься?! – удивлено и в тоже время гневно закричал Александр Спиридонович.

– Сплю! – улыбаясь, сказал Петухов.

– Ты не спать должен, а как петух кукарекать на всю округу и нести золотые яйца! Я тебе квартиру оплачиваю! Ты женился десять раз за мой счет! И теперь заявляешь, что спишь, когда такие вещи у тебя под носом творятся!

– Да что случилось, Александр Спиридонович! – уже заинтересовано спросил Петухов, и желание спать сняло как рукой. Шеф был не подарок, но и по пустякам никогда не расходился. Петухов понял, случилось что-то экстраординарное, а чихвостят его для профилактики, между делом.

– Точно никто не знает, – стал взволновано рассказывать Александр Спиридонович, – пятнадцать человек доставлено в травматологию.

– Жертвы есть? – выкрикнул Петухов что есть сил, прижимая трубку. Он очень любил свою работу.

– Я не знаю, но ты пиши, что есть!

– Сколько?

– Десять хватит, будет больше – допишем, а меньше или вовсе нет, напишем опровержения и обвиним во всем врачей. Напишем, что они не дали точных сведений и посеяли в городе панику.

– Детали?

– Передел сфер влияния! Московский авторитет по кличке «Цилиндр» устроил бойню на Центральном рынке.

– Ничего себе!

– Одни говорят, что он с братками гнался за какой-то местной бабой! Другие утверждают, что это его жена. Вроде бы она закрутила интрижку с нашей какой-то большой шишкой, и началось. Но ты не вздумай про это писать! Кого сейчас удивишь бандитскими разборками?! Надо, чтобы жажнуло, так жажнуло! Прошел слух, ерунда, конечно, но на слухах мы и выезжаем...

– Что за слух?

Очередной хохот в трубке.

– Все ясно! – подумал Петухов.

– Говорят, что, вроде кто-то на ком-то скакал, а потом на нем летал по воздуху как у Гоголя!

Петухов рассмеялся.

– Хватит ржать Петухов! Я тебе, Петухов, не за ржание деньги плачу, а за рейтинг! Согласен – чушь, но о ней заявило сто человек. Мы напишем – тысяча и читатель наш!

– Какой дурак в это поверит?!

– Наш читатель лучше любого дурака, он нам за вранье еще и деньги платит!

Опять хохот в трубке.

– Ты, вот что сделай, свяжи две истории вместе.

– Как?

– Петухов, за что я тебе деньги плачу?! Надо, чтобы бахнуло, так бахнуло! Пиши, что всему виной АЭС. Пиши, произошла утечка радиации! Пиши, что люди обезумели. Пиши, надо было пить йод, а пили по старинке водку, и так далее. Петухов – ты лучшее, что у меня есть. Сделай мне бомбу! И больше хорошей брехни! Читатель любит брехню! Но не переусердствуй! Если что, я всю вину свалю на тебя! – трубка задрожала от хохота.

– Кто бы сомневался! – подумал Петухов.

– И про бабу с братками напиши!

– Так вы же сказали не писать!

– Петухов, за что я тебе деньги плачу?! Придумай что-нибудь. Все любят про любовь, но только чтобы как у Шекспира со смертельным исходом. Пиши, задушена, нет, пиши, забита мужем до смерти! Пиши, остались двое детей, нет, лучше пусть трое. Бабы станут горой за убиенную, мужики поддержат смелого мужика.

Хохот.

– И про утечку радиации больше напиши!

– Как бы не переусердствовать!

– Петухов, за что я тебе деньги плачу?! Пиши, что московские врачи прилетели на выручку ростовским врачам. Пиши, что они вылавливали облученных людей для опытов. Пиши, что тех, кто не хотел идти добровольно, тащили силком. Пиши, что делали уколы прямо на улице и увозили без чувств. Чтобы шарахнуло, так шарахнуло! Давай, Петухов, сделай как

надо! Садись за компьютер, который ты, кстати, тоже, как и все, что у тебя есть, купил на мои деньги, и пиши! Чтобы через час бомба была в моем кабинете. Я, кстати, на охоту не поехал. Пиши, что птица заражена радиацией!

– Это еще зачем? – удивился Петухов.

– Петухов, за что я тебе деньги плачу?! Сослужи своему шефу службу! У всех охота накроется к чертовой матери, и я на следующих выходных настрою целый мешок, нет – два мешка!

Хохот резко оборвался.

– Все, пиши!

Глава восьмая. Академик Цилиндров и его шайка.

«Что это – божья кара или халатность руководства?! Тысячи людей стали жертвой преступления кучки высокопоставленных лиц. Мы не хотели второй Чернобыль! Но кто и когда считался в России с простыми людьми? Ничтожна цена человеческой жизни в России! И сегодня Ростовская область в этом убедилась на собственном примере. Волгодонск окутан густым туманом. Что это?! То, чего все боялись и многие предсказывали! Люди сходят с ума! Людей никто не предупредил. Плевать хотели на людей! Выброс радиации в атмосферу привел к массовым галлюцинациям. Фауна заражена! Птица мрет на лету! Что дальше?! Раковые заболевания?! Телята с двумя головами?! В Ростове в самую пору открывать Кунсткамеру! Ростовчане имеют право знать правду!

Группа московских ученых под руководством академика Цилиндрова экстренным рейсом прилетела из сердца России, чтобы затушить пожар радиации на ее окраине.

При поддержке военных целые улицы берутся в плотное кольцо.

Все живое на оцепленной территории, как скот, загоняют в крытые грузовики и увозят в неизвестном направлении. Кто отказывается повиноваться, тому производят внутримышечные инъекции неизвестного сильнодействующего вещества. Люди мгновенно теряют сознание, а приходят ли они в себя – никому не известно. Когда врачи исчерпывают запас смертоносной жидкости, они используют смирительные рубашки и гипноз, цель которого подавить волю и заставить обезумевших от боли людей безропотно выполнять приказы Цилиндрова и его шайки. Больницы переполнены! Жертвам нет числа! Кто их считает! Чудом вырвавшиеся из окружения люди рассказывают леденящие душу истории, сводящиеся к одному и тому же. Они своими глазами видели, как за одной из женщин академик Цилиндров гнался с железным прутом, умело замаскированным под трость. Цель – утаить от мировой общественности кошмар, разыгравшийся в Ростовской области. Тысячи искалеченных судеб – это только начало бойни, которую развернул Цилиндров и его шайка.

Если уже сегодня такое отношение к людям только потому, что они хотят жить, что будет завтра?! На кого надеяться?! На Цилиндрова и его шайку?! На руководство, которое делает свою работу спустя рукава?! На правоохранительные органы, которые способствует и первым и вторым?! Ответьте нам, простым людям, что будет завтра?!»

Петухов несколько раз прочитал статью и отвалился на стул с очень недовольным видом.

«Ей богу, получилась антиправительственная листовка, за которую меня вздернут на первом же суку! – думал Петухов. – Надо переписывать. Колоколов сошел с ума! Город взорвется, если что-нибудь подобное опубликовать. Все – ложь от первого до последнего слова. Чернуха? Зато какая! Я могу писать, это у меня не отнять! Пускай остается все как есть, то-то веселье будет! – Петухов, улыбнулся, и тут раздался стук в дверь. Кого еще черти принесли!» – подумал Петухов и встал на ноги».

Дмитрий Сергеевич на пару с Рублевым стоял на лестничной площадке и терпеливо ждал, пока откроют.

– А если его нет дома? – взволновано спросил Рублев.

– Уважаемый мой Егор Игоревич, подумайте сами, если бы Григория Германовича не было дома, разве я постучал бы в дверь?

Рублев понял, что его вопрос был неуместен и даже глуп, и поэтому он ничего не ответил и решил на будущее думать, прежде чем спрашивать.

– Вы мне очень симпатичны, Егор Игоревич. Вот если бы все были такие как вы!

Рублев смутился и спросил:

– Почему?

– Прекрасная реакция, она лишний раз подтверждает, что вы не заносчивы. Другой бы на вашем месте промолчал и принял комплимент, как должное! А по поводу вашего вопроса, все очень просто. Вы анализируете свои промахи и в следующий раз стараетесь их не совершать. Я ценю ум! Это единственная вещь на свете, с помощью которой можно избежать неправимых вещей.

Петухов открыл дверь и, столкнувшись за ней с Рублевым, очень удивился. Он доподлинно знал, что приятелю неизвестно его место жительства, а тут – на тебе, пожалуйста. Петухов не знал, что и думать, и онемел. Гости тоже не спешили говорить. Рублев ждал, пока его о чем-нибудь спросят, чтобы, как говорится, не сболтнуть лишнего. Дмитрий Сергеевич, как мне кажется, ждал, пока Петухов придет в себя, чтобы не усугублять и без того непростое положение.

– Здравствуй Егор, что случилось? – собравшись с мыслями выдавил Петухов и посмотрел на Дмитрия Сергеевича, даже не на него, а на его головной убор, и у него тут же промелькнуло в голове: «А не герой ли его статьи стоит перед ним?»

«Быть такого не может!» – подумал Петухов и отвел взгляд от цилиндра.

– Ну отчего вы так решили? – улыбаясь, сказал Дмитрий Сергеевич и добавил:

– Почитать про академика Цилиндрова и его шайку, мне будет очень интересно.

Петухов застыл и с вопросом посмотрел на Рублева, как будто бы ища в приятеле спасения, но тот в свою очередь вместо того, чтобы сказать хоть слово и прийти на помощь, всего лишь пожал плечами. Что было вполне уместно, ведь он ничего ни о какой статье не знал и смысла в словах Дмитрия Сергеевича не уловил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.